

Елена Деликатная

Художник своих мечт

История
обычной
женщины
с необычной
жизнью

Краснодар, 2025

УДК 159.9
ББК 88.3
Д29

Деликатная Е.

Д29 Художник своих мечт / Елена Деликатная. – Краснодар: Издательство “SLOVA”, 2025. – 192 с.

ISBN 978-601-12-3728-4

В ваших руках не просто книга. Это картина, написанная словами, – искренняя, глубокая, полная света и смысла. Перед вами автобиография женщины, прошедшей путь от внешнего успеха к внутреннему пробуждению, от галерей до храмов, от бизнес-встреч до тишины Гималаев.

Вас ждет откровенный разговор о поиске себя, доверии к миру и умении идти вперед несмотря на страхи и перемены. Вы узнаете, как обрести внутреннюю опору, не теряя легкости, как сохранять чувство юмора в трудные времена, как пройти по жизни с искренней улыбкой.

Откройте книгу, прислушайтесь, и почувствуйте – эта история попала к вам не случайно.

УДК 821.512.122
ББК 84 (5Каз)

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память компьютера, для частного или публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

ISBN 978-601-12-3728-4

© Деликатная Е., 2025

Содержание

От автора.....	4
Пролог.....	7
Глава 1.....	9
Глава 2.....	35
Глава 3.....	52
Глава 4.....	69
Глава 5.....	88
Глава 6.....	107
Глава 7.....	117
Глава 8.....	137
Глава 9.....	155
Эпилог	188

От автора

*Я иду. Я просто иду.
Это просто путь, по которому я иду.
Просто дорога. Ты просто идешь.
Куда ты идешь? Зачем?..
Я немного устал. Я немного потерян.
Я знаю, что должен, что должен идти –
идти и радоваться этому пути и тому,
что иду, и тому, что в пути...
Как странно: ты просто идешь и радуешься
этому пути. Потому что это путь к тебе.*
Анна Меликян (к/ф «Я иду к тебе»)

Я стояла на парковке около дома, радостно жмурясь от яркого майского солнца. Было так хорошо, что хотелось обнять весь мир и смеяться словно ребенок. Но звук подъехавшей машины заставил меня открыть глаза. Из припарковавшегося рядом со мной BMW вышли двое незнакомых молодых людей.

– Здравствуйте, – приветливо улыбнулась я.

Недоуменно переглянувшись, мужчины настороженно уставились на меня. *На попрошайку я явно не похожа*, – усмехнулась я про себя. Незнакомцы нехотя, словно боясь поздороваться, буркнули приветствие и поспешно удалились.

Глядя им вслед, я задумалась. Задумалась о том, что жизнь – это путь, на котором нужно со всеми здороваться. Не только с каждым встреченным человеком,

но и с каждой приходящей ситуацией. Искреннее приветствие, теплая улыбка, открытый взгляд и хорошая шутка делают наш мир лучше, светлее и радостнее. Открывают множество сердец и дверей.

Я убеждена: следует быть открытым миру, предвкушать счастливую неизвестность, а не пугаться нового и неизведанного. Не бояться перемен. Если мы находимся в доверии к миру, то и жизненные события встречаем с «поднятым забралом», без напряжения, с улыбкой и принятием. Не боимся заглянуть за незнакомый поворот, чтобы узнать, что там.

На наших глазах мир стремительно меняется, входит в период глубокой трансформации. Многие из нас теряются, пытаются цепляться за привычное, но старая парадигма уже не работает, внешние опоры рушатся. А новое еще не исследовано, не знакомо, кажется зыбким и потому пугает.

«У меня есть всё. Всё, о чем я мог мечтать. Любящая семья, большой дом, успешный бизнес. Казалось бы, что еще нужно? Но я в тупике. Я не знаю, куда идти дальше. Куда расти. Не знаю, где искать новые смыслы». Это самый частый запрос, с которым в последние годы ко мне обращаются как к проводнику.

Благодаря 25-летнему опыту наставничества, врожденному умению «заглянуть за горизонт» и увидеть суть, я знаю, как направить и поддержать ищущих, думающих людей в поиске предназначения. Именно поэтому я решила написать книгу – чтобы поддержать как можно большее количество людей в эти непростые времена. Я хочу поделиться с вами самым ценным и сокровенным: мироощущением и опытом, улыбкой и теплом.

На страницах этой книги я покажу, как найти внутреннюю опору и сохранить ее даже в самые трудные времена. Покажу, как важно действовать, не бояться и идти вперед. Как научиться жить так, чтобы ничто внешнее не влияло на ваше внутреннее состояние.

Эта книга и о том, как важно сохранять чувство юмора в любой ситуации. «Юмор – это Принадлежность Богов», один из способов борьбы со страхом, унынием и кажущейся безысходностью. Чувство юмора и улыбка – наш щит, защита от любых невзгод. Мой Наставник Ло Дзонг говорит: «Упал? Встань и иди!» Хочу дополнить: «Упал? Встань, улыбнись и иди!»

С любовью и улыбкой, Елена

Пролог

Непал, 2024 год

– Намасте!

– Намасте! – Слегка склонив голову, я сложила руки в традиционном приветственном жесте.

Передо мной сидел почтенный, убеленный сединами старец, завернутый в ярко-оранжевый сари. В чуть прищуренных глазах цвета неба отражалось пламя свечи. Они улыбались так, как могут улыбаться только глаза счастливого человека.

– Тебе пора.

– Что? – удивилась я.

– Тебе сорок два года. Твоя натальная карта говорит, что ты перешла из Солнца в Луну. Яркое Солнце притягивает к себе всех, способствует карьере. Спокойная, не холодная Луна вещает, делится опытом. Ты вступила в пору мудреца, любому человеку ты можешь дать ответ на любой вопрос. Ты можешь исцелять. Словами. Картинами. Книгами. Просто своим присутствием. Ты готова.

После обряда очищения я не торопилась покинуть монастырь, расположенный на вершине горы. Я неспешно прошла мимо фигур мифических животных, многочисленных ритуальных медных чаш, колоколов... и замерла. Лучи клонившегося к закату солнца золотили снежные пики вечных, непостижимых, величествен-

ных Гималаев. Зрелище, от которого захватывало дух. В голове всплыли слова старца: «Ты похожа на Гималаи. Его снежные вершины отражают тебя, твою сущность. Его сила и мощь – это всё ты. Ты всё время действуешь через преодоление. Как альпинист, который счастлив только тогда, когда возьмет вершину. И на всем пути преодоления он познает себя. Так и ты».

Ветер доносил запахи терпких благовоний, звуки гонга и колоколов. Многочисленные паломники крутили молитвенные барабаны и напевали мантры. Но я ничего не замечала. Внутри разливалась благодатная тишина. Находясь между небом и землей, я ощущала невероятную внутреннюю силу, поддержку своего рода и огромное желание делиться с миром.

– Да, я готова. Время пришло.

Глава 1

Вопреки всему

Город Абинск, 28 июня 1982 года

– Я всегда говорила, что ты – дар небес, – прабабушка Прасковья улыбнулась, в уголках ее глаз появились добрые лучистые морщинки. – Наташе было шесть лет, когда твои родители хотели развестись, и вдруг твоя мама узнала, что беременна. Понимаешь? Ты спасла их брак. Мама тебе рассказывала, что ты родилась раньше срока?

– Да, на седьмом месяце. Она подняла тазик с бельем, и...

– И почувствовала, что началось. Ровно в девять скорая привезла твою маму в больницу.

Я так спешила жить, что родилась на три месяца раньше положенного срока. Была я незапланированным ребенком, но желанным. Мама хотела, чтобы роды принимала ее знакомая акушерка в краснодарском роддоме, где родились мои родители, старшая сестра Наташа и все ближайшие родственники. Но случаю было угодно иначе – я появилась на свет в роддоме небольшого городка Абинска, куда маму и папу распределили как молодых специалистов – возводить рисовые системы и берегоукрепления в Новороссийске.

*Разве можно не верить,
Что рождается Чудо,
Когда в Бога ладони Меня
Положили ОТТУДА...*

*Что позволило мне, здесь и сейчас,
На земле вознестись, посмотреть прямо оттуда,
Что есть в мире и здесь место Мне
и поверить в себя. Разве это не Чудо?!*

Первые недели своей жизни я провела в изоляторе под кислородным куполом, словно защищавшим меня от несправедливости и несовершенства этого мира. Я, чистый и ранимый комочек, так рвалась воплотиться, но, мгновенно почувствовав всю боль и потенциальную агрессию мира, испугалась. Страх не был беспочвенным, он питался опытом моих прошлых жизней. Кислородный колпак убрали, но невидимый энергетический «купол», словно оберег, всегда будет укрывать меня.

Врачи разводили руками, не понимая, что происходит: я отказывалась есть. Медсестра, увидев меня на третий день, горестно всплеснула руками:

– Татьяна, у вас же ребенок совсем синий, он так может умереть.

Мама, уставшая от слез, только промолвила:

– У меня молока нет. А донорское она не ест, как и смеси, аллергия...

– Ей коровьего молока надо! Домашнего! Именно из-под одной коровы! Но только парного. Не кипяченого, чтобы аллергии не было. Или попробуй сварить жидкую манку на коровьем молоке и давай из бутылочки.

– А где его взять? Парного?.. – растерялась мама.

– Я адрес вам напишу.

Врачи, услышав советы медсестры, сказали маме:

– Вам гроб нужно готовить, а не манку на домашнем молоке.

Мама до сих пор не может об этом рассказывать без слез.

Меня выходили только благодаря молоку местной коровы Зорьки. Ежедневно мама бегала на утреннюю дойку, чтобы получить бидон спасительного напитка. Постепенно я начала набирать вес, окрепла.

Каждый день папа после работы приезжал к роддому и нервно курил на крыльце в ожидании новостей. Иногда он приносил манку с молоком. Бабушка Нина его всегда успокаивала:

– Толик, не переживай ты так. Все обойдется! У вас родилась сильная девочка, она справится. Ты же видишь, как она борется за место под солнцем.

Бабушка, обладавшая огромной житейской мудростью, была права: до сих пор я борюсь за свое место под солнцем.

Из больницы нас с мамой выписали через три месяца – в конце сентября, примерно в те дни, когда по плану я должна была родиться.

Я появилась на свет и выжила вопреки всему. Вопреки средствам предохранения и сложной беременности; уговорам врачей ее прервать; преждевременным родам. И благодаря трем месяцам борьбы за мою жизнь. Спасло меня только чудо и желание жить.

Я родилась, чтобы научить родителей любить и жить в гармонии друг с другом. Ради этого стоило воплотиться на нашей грешной Земле.

Колыбель

Мое детство прошло в тихом, сонном городке, окруженном изумрудными холмами. Густо одетые в орешник и сосны, они убегали к Кавказскому хребту и Кабардинскому перевалу, за которыми шумело Черное море. Места настолько живописные, что их называли маленькой Швейцарией. Это плодородная земля таила немало поверий, легенд и таинственных артефактов: в

окрестностях раскинулся большой курган – наследие скифов и притаились мистические дольмены – порталы в другие измерения.

Неподалеку, в станице Холмской, жила моя бабушка Нина, папина мама. Она рассказывала: «Станицу нашу 150 лет назад основали атаманские казаки, пришедшие из Запорожья. Среди них был прадед твоего отца. Наш род еще при Петре I образовался. При императрице, которая Екатерина II, многие разбогатели, обрели свободу и осели на этих землях. По ее указу казакам были дарованы земли, простиравшиеся между Черным и Азовским морями. А фамилия наша, Деликатные, произошла от названия атаманского казачьего рода».

Традициям казачьей жизни отца учил дед, а меня – прабабушка Прасковья, женщина чистой красоты и доброты, набожная, мудрая и интеллигентная. Мы с Наташей считали, что она знает абсолютно всё, а прабабушка была безграмотной и даже крестом расписывалась. В годы раскулачивания ее отца, атамана, объявили врагом народа, а дом отобрали. Многих казаков тогда расстреляли или сослали в Сибирь, на Алтай или Дальний Восток. Кому-то из наших многочисленных родственников удалось бежать за границу, их потомки обосновались в Европе и США. Среди моих предков были воины и священнослужители, ремесленники и скотоводы, земледельцы и виноградари. Дом, в котором жила прабабушка и ее родители, сохранился, и теперь там библиотека. Что привело казаков в предгорье Кавказа? Думаю, не только плодородные земли и пастбища для выпаса лошадей, но и раздолье, особенная энергетика, мощь этих мест. Их с самого детства впитала и я.

Горы и море навсегда стали частью меня. Они были моей колыбелью, вдохновением, моей альма-матер. У них я училась мудрости и естественности, независимости и бесстрашию. И свободе. Ведь нельзя посадить горы в клетку, невозможно диктовать им условия. С самого детства в любых рамках и ограничениях мне было тесно, я задыхалась.

Одно из самых ранних воспоминаний, а точнее, переживаний, связано с ощущением «тюрьмы», в которую меня заточили. Мама привела меня в детский садик, стоящий во дворе нашего дома, поцеловала, передала в руки воспитательницы и ушла на работу. Мама скрылась из виду, а я побежала к калитке и пыталась вырваться на свободу, но не смогла. Вцепившись в равнодушные холодные прутья, я заревела. Мне казалось, что меня посадили в клетку, настолько чуждыми мне были атмосфера садика, его энергетика, запахи и звуки. Я не могла дождаться, когда за мной придут родители или старшая сестра Наташа и освободят.

Я рвалась домой. В свою комнату. В родной, уютный, безопасный уголок, где всё текло так, как нужно мне. Туда, где ждали меня мои альбомы и карандаши.

Рисовать я начала раньше, чем научилась говорить. Когда я брала в руки карандаш, время останавливалось, и словно открывался портал в мой внутренний мир. Мысли, впечатления и переживания дня ложились штрихами на альбомные листы, складывались в рисунки – яркие и фантастические. Родители, работавшие с утра до вечера, спокойно оставляли меня дома одну, зная, что я буду тихо сидеть и рисовать.

В три года мне захотелось масштаба. Походив по своей комнате, в качестве «холста» я выбрала место слева

от окна, надежно скрытое за тяжелой шторой, – чтобы не поругали. Красным карандашом на выбеленной стене я нарисовала лик старца, образ которого приходил мне в видениях.

Чаще всего я рисовала горы. Их я видела из окон нашего дома и во снах. О них нам рассказывал папа. Он был альпинистом и часто уходил на покорение вершин Домбая или Эльбруса. Хорошо помню, как мы с мамой и Наташей ждали его из экспедиций. Мобильных телефонов не было, и мы не знали, когда точно отец вернется. По вечерам я не отходила от окна.

– Мама, а когда папа вернется?

Она вздыхала:

– Должен со дня на день. Спи, дочка, поздно уже.

– Спокойной ночи, мама.

Счастливая, я закрывала глаза: *скоро я покажу папе новые рисунки.*

В тот день меня разбудил вплывший в комнату дивный запах маминых блинчиков. Но было что-то еще... Из кухни доносились приглушенные голоса. Я распахнула глаза – *неужели?* Тут же вскочила и понеслась навстречу долгожданному счастью: *папа приехал!*

Вбежала на кухню и оказалась в теплых объятиях уставшего, заросшего щетиной, но счастливого отца. От него пахло костром и дальними странствиями.

– Лена, как выросла!

Я уткнулась ему в плечо:

– Пап, я тебя так ждала! Так ждала! Пойдем, что покажу.

Я отвела его в свою комнату и протянула раскрытый альбом:

– Я нарисовала Эльбрус. Ты же был там, видел все своими глазами. Скажи, похоже?

Затаив дыхание, я ждала, что он похвалит меня. Но папа, внимательно посмотрев на рисунки, покачал головой:

– Таких гор не бывает. Почему они у тебя желтые и розовые?

– Папа, но как же так? – Внутри все сжалось от обиды.

Я же так старалась! Из груди вырвался молчаливый крик: *папа, как ты не понимаешь? Такие горы бывают! В моем мире!* Но я никому не могла рассказать о своих видениях и путешествиях по Тонким Мирам. Даже папе.

Наставники

Падая ровный снег. Я ловила снежинки на варежку, пытаюсь лучше их рассмотреть. Папа рассказывал, что это кристаллы. Они так красиво сверкали в лучах солнца, что я замирала от восторга. Вдруг я услышала истошный крик.

– Да что ты за ребенок-то такой! Что за наказание! – молодая женщина тащила мальчика через наш двор.

Он разревелся, а она разозлилась еще больше:

– Замолчи, тварь! Не позорь меня!

От ужаса я оцепенела. Закрыв уши, убежала домой и расплакалась. Сердце разрывалось от боли и жалости к незнакомому мальчику. Ему было, как и мне, не более шести лет. Я не знала, как ему помочь. Я проплакала

весь вечер и долго не могла уснуть, содрогаясь от каждого шороха.

На следующий день я почувствовала шум и сильную боль в ушах – врачи поставили двухсторонний отит. Мама говорила, что недоглядели воспитатели и меня продуло, но сейчас я понимаю, что причина воспаления была в непринятии мной темной стороны мира. Настолько невыносимо было слышать крики той женщины и стать свидетелем ее жестокости по отношению к ребенку, что хотелось заткнуть уши и закрыться в своей «раковине», чтобы не травмировать душу.

Отит не отпускал долгие годы. Однажды, когда мне было девять лет, я проснулась ночью от сильной боли в левом ухе.

– Мама, – позвала я. – У меня ушко болит.

Но она спала в другой комнате и не услышала. Я поднялась с кровати. Подойдя к спальне родителей, подергала ручку двери, но никак не могла ее опустить – не поддавалась. Странно, боль я уже не чувствовала, но боялась, что она вернется, поэтому решила всё же разбудить маму.

Я была словно в невесомости и каким-то образом прошла сквозь закрытую дверь и оказалась возле мамы.

– Мама, мама, у меня ушко болит. Помогите мне, закапайте лекарство.

Мама не просыпалась. Я коснулась ее плеча, но пальцы словно утонули в нем.

Я сплю?

Вернувшись в свою комнату, я вздрогнула: из угла на меня смотрели два испуганных немигающих огонька.

– Фу, Бэйси, напугала! – цыкнув на кошку, я подошла к своей кровати и застыла. Там спала... я.

Странно, я вижу себя со стороны. Это сон?

Но это был не сон. Когда я осознала, что вышла из тела, то сильно испугалась, а затем, почувствовав толчок, мгновенно вернулась в телесную оболочку и уснула.

На следующую ночь, увидев себя спящую со стороны, я уже не удивилась. В окно светила полная Луна. Я пошла на ее яркий влекущий свет и «выплыла» в окно. Не было никак преград и ограничений: ни стен, ни страха, только чувство легкости и любопытства.

«Полетав» над детской площадкой, я присела на ветку шелковицы, растущую в нашем дворе, и замерла... По дорожке, сотканной из лунного света, ко мне шли, опираясь на посохи, седобородые старцы в белых одеждах. Я знала их. Радостно бросившись к ним, я мысленно воскликнула:

– Я помню вас.

Они молча закивали:

– Да. Мы встречались в твоих прошлых воплощениях.

Внетелесный опыт я переживала неоднократно на протяжении трех лет. Обычно это происходило ночью, после сильных переживаний и не по моему желанию, а само собой. Иногда с наставниками мы отправлялись в астральные путешествия. Но чаще они, усаживаясь вокруг меня, отвечали на вопросы и делились сакральной информацией. Разговаривали мы телепатически.

– Наставники, зачем я есть?

– Каждый человек приходит сюда, чтобы научиться быть счастливым.

– Но здесь так тяжело. Здесь столько боли. Иногда мне страшно.

– Страх – это... иллюзия. И помощник, подсказка, куда следует смотреть. Страх может стать крыльями.

– Я не понимаю. Часто мне хочется закрыть глаза и уши, спрятаться, а не смотреть, не слушать.

– Ты поймешь, еще не время. Всегда помни, что страх – противоположность любви, а любая ситуация – это урок.

– Вы еще придете? У меня столько вопросов!

– Мы придем. Но все ответы уже внутри тебя.

Полученные от наставников впечатления и знания я пыталась запечатлеть в рисунках. Только карандашу и бумаге я могла доверить эти переживания. Я боялась кому-то открыться, опасаясь, что меня упекут в дурдом и начнут пичкать лекарствами.

Тибетские монахи говорят, что сон – это маленькая смерть. То есть человек умирает каждый день. Физическое тело отдыхает, а душа частично освобождается и временно покидает тело. Проснувшись, человек воскресает и начинает новый день, новую жизнь. Поэтому каждый день следует проживать как последний.

Наставники научили меня получать ответы на интересные вопросы. Я задавала их, а ответы приходили в виде картинок перед внутренним взором или во сне. Но что могло интересовать ребенка в девять лет? Немного. Например, какие уроки необходимо сделать, а какие можно проигнорировать. Я всегда четко знала, по какому предмету меня спросят в школе, и готовилась исключительно к нему.

Сделав уроки, я мчалась на улицу или рисовала. А перед сном загадывала, какие на следующий день куплю пирожные или шоколад, фенечки из бисера или заколки. Просыпаясь, я знала, какой дорогой мне следует пойти в школу, чтобы найти необходимые для покупок деньги. Три или пять рублей лежали на земле, словно

ждали меня. Удивительно, но их никто не замечал. Этих денег было достаточно, чтобы купить всё, что я хотела.

Позднее я узнала, что существует специальная техника-медитация программирования, которую делают перед сном. Глядя на зажженную свечу, следует представить, что пламя – это твой путь и завтрашние дела. Ты их ментально протраиваешь, проживаешь и «пламенем» чистых помыслов прожигашь. Но в моем случае реализация намерений осуществлялась сама собой, словно играючи.

Наставники передали мне технику невидимки – при желании я могла стать незаметной, невидимой: проскользнуть мимо директора, намеревающегося меня поругать; ненадолго «исчезнуть» из класса во время уроков. Эта способность не раз выручала меня и во взрослой жизни, когда я видела знакомого человека, но не хотела, чтобы он меня заметил.

Бэйси

Однажды Наташа принесла домой котенка. Черного, с белой грудкой.

– Какой хорошенький! – Я трепетно прижала дрожащий комочек к груди. – Где ты его взяла?

– В соседнем дворе. Шла со школы, он выскочил мне прямо под ноги.

– Надь, давай оставим его себе.

– Давай.

Это была девочка, гамбургская кошка с проплешинами, изящная, пушистая, словно одетая в белый купальник.

Мама, увидев кошку в доме, непреклонно сдвинула брови:

– Поиграли и хватит. Верните ее на место.

Мы с Наташей захныкали в один голос:

– Мам, она ничья. Разреши ее оставить. Посмотри, какая она хорошенькая.

– А кто будет за ней ухаживать и убирать? Мне некогда!

– Мы всё сами, – взмолились мы с сестрой. – Мы уже и имя ей придумали! Бэйси.

Кошка, выскользнув из моих рук, не спеша подошла к маме и ласково потерлась о ее ногу. Мама сразу растаяла:

– Ну хорошо. Пусть остается. И правда хорошенькая.

Бэйси стала мне настоящим другом. На улице и дома мы были неразлучны. Я играла с девочками во дворе в бадминтон или классики, а Бэйси внимательно следила за моей игрой, ловила падающий воланчик или лазила по деревьям.

– Бэйси, мяу! Нам пора домой.

Кошка тут же мчалась к подъезду. Мы разговаривали на ее кошачьем языке. Бэйси стала всеобщей любимицей в нашей семье: и за обеденным столом с нами сидела, и лечила нас. И даже помогала мне делать уроки.

Открыв учебник математики, я нахмурилась. Бэйси участливо мяукнула:

– Что, Лена?

Я вздохнула:

– Бэйси, ты не представляешь, как не хочется решать эти уравнения. Они такие скучные!

– Пойдем тогда погуляем... – хитро мурлыкнула пушистая подружка. – Там столько всего интересного: бабочки, цветочки, воланчики, солнечные зайчики.

Я вздохнула:

– Нет, чувствую, что завтра меня спросят. Надо решать.

Кошка забавно сморщила носик и, положив мордочку на лапки, сочувственно на меня посмотрела.

Бэйси любила тишину и на дух не переносила запах алкоголя. На Новый год она, учуяв запах шампанского, могла укусить за ногу нашего гостя, чтобы тот много не пил и громко не разговаривал, – воспитывала.

Когда моя любимица рожала котят, она всегда просила, чтобы я держала ее за лапку. У Бэйси рождались, как правило, два черненьких и два дымчатых котенка. Она прожила у нас девять лет. Но однажды, попрощавшись, ушла из дома и не вернулась.

Синий лес

*Чтобы танцевать, не надо ждать,
пока закончится дождь.
Надо научиться танцевать под дождем!*

Ирвин Ялом

Бухта Ласпи, 1995 год

*Синий лес, до небес!
Синий лес, пожалуйста,
Сказку мне Расскажи о весне.
Все пройдет, все пройдет.
Все обиды сгладятся.*

Слова песни неслись над бухтой Ласпи, словно окутанной одеялом из звезд. Искры костра взлетали вверх,

и, вспыхнув, бесследно исчезали в ночи. Сыграв заключительный аккорд, папа отложил гитару:

– На сегодня все песни спеты. Пора спать.

Но никто не сдвинулся с места. Все наслаждались благостью майской ночи: мерцающим бархатом неба; умиротворяющими трелями цикад и плеском волн. Дядя Сережа, друг папы, задумчиво сказал:

– В такие минуты веришь, что Бог есть.

Кто-то согласно закивал, а папа ответил:

– Как физик я верю, что существует безграничный потенциал Высшего Разума. Я верю в космос, в силу природы. Но сказать, что это Бог, не могу.

– Бог есть! Он во всем, – неожиданно для всех выпалила я.

В воздухе повисло молчание. Наконец папа произнес:

– Лена, а ты чего не спишь? Все дети уже десятый сон видят.

– Пап, с вами так интересно! Я еще посижу.

Разговор плавно перетек в размышления о смысле жизни.

– Создать семью, вырастить детей, оставить о себе добрую память, – говорили одни.

Другие считали, что смысл в служении людям и отечеству, а третьи честно признавались, что не знают.

Я не выдержала и повторила фразу, которую слышала от своих наставников:

– Каждый человек приходит сюда, чтобы научиться быть счастливым. В этом смысл.

Взрослые в очередной раз изумленно уставились на меня, тринадцатилетнего ребенка. Дядя Сережа присвистнул:

– Устами младенца глаголет истина. Ленка, да ты настоящий философ. Откуда ты это знаешь?

Я замялась:

– Да так... прочитала где-то.

В бухте Ласпи мы часто отдыхали дикарем с семьями папиных друзей. Дикий уголок нетронутой первозданной красоты, от которой захватывало дух. Лазурная, прозрачная, как хрусталь, вода, из которой, словно богатыри, поднимались живописные валуны. Пляж, покрытый мелким ракушечником, обнимали можжевельниковые рощи и реликтовые растения. Над морем кружили причудливые облака. Настоящий рай для художника! Я не могла насытиться этой красотой. Пейзажи я зарисовывала в тонкую тетрадь, в которую же и записывала путевые заметки для двоюродной сестры Жанны из Краснодара.

«Жанна, привет из Крыма! Мы остановились в бухте Ласпи, которую называют царской. Папа сказал, что в свое время местные пейзажи покорили саму Екатерину Великую. Она была здесь, представляешь? Хотя я и не царица, но хорошо ее понимаю: здесь настолько красиво! Жаль, что вы с дядей Игорем и тетей Леной не смогли поехать с нами. Но я все для тебя зарисую. Я для тебя уже ракушек и разноцветных камушков насобираала!

Здесь самая теплая вода на всем Крымском побережье. Сейчас только май, а мы уже купаемся. А в Наташу влюбились пограничники, представляешь? Нас пустили на территорию базы отдыха подводников. И там отдыхают эти пограничники, Роман и Ринат. Они очень смешные. Их плохо кормят. Мама говорит, что это последствия перестройки. Мы их подкармливаем».

Роман и Ринат, молодые ребята, часто к нам наведывались. Точнее, к Наташе.

– Дядя Толя, здравствуйте. Можно Наташа с нами пойдет купаться? – Роман, веснушчатый здоровяк, немного стеснялся.

Папа кивнул.

– Подождите. Поешьте сначала. По глазам вижу, что голодные, – вздохнула мама.

– Да неудобно как-то.

– Садитесь, садитесь. Наташа, налей своим поклонникам ухи.

Они разом покраснели, а сестра хихикнула.

Папа не отрываясь смотрел на ближайшую отвесную скалу, красиво окутанную туманом.

– Сергей, поднимемся на нее? – предложил он другу.
– Представляю, какие оттуда виды.

– Давай.

Я взглянула на ясное небо. В голове возникла картинка: набежали тучи и начался ливень.

– Пап, будет дождь.

Он рассмеялся:

– Лена, опять выдумываешь? На небе ни облачка.

Папа с другом, взяв альпинистское снаряжение, отправились покорять скалу.

Взяв папин черно-белый фотоаппарат, я пошла бродить по Командирскому пляжу. Вскоре я наткнулась на упавшую волейбольную сетку. Она шевелилась! Я внимательно пригляделась: в ней запутался ежик.

– Ринат, Руслан, – крикнула я. – Идите скорее сюда!

Парни прибежали и помогли мне освободить ежика. Я хотела сфотографировать малыша, но он был очень напуган и сразу убежал.

Мы с ребятами вернулись в лагерь. С помощью оптического зума я пыталась рассмотреть папу и дядю Сережу, забравшихся на скалу, но они уже поднялись слишком высоко.

Тем временем небо затянуло тучами. Неожиданно пошел сильный ливень. Мы с Наташей с визгом бросились в палатку, Роман и Ринат – за нами. Мама, раскрыв зонт, с тревогой посмотрела на скалу, почти неразличимую за пеленой дождя:

– Похоже, затянуло надолго. Как же они спустятся? Они же совсем промокнут. И костер не разведешь, чтобы просушить одежду.

– Папа с друзьями покоряют скалу, – пояснила пограничникам Наташа.

– Тетя Таня, мы сейчас буржуйку принесем, быстро просушите вещи.

Дождь всё не прекращался. Ринат побежал за печкой, а Роман взял гитару и, прошелестев струнами, запел:

– Не зная горя, горя, горя, в краю магнолий плещет море...

Мне так захотелось танцевать! Я покосилась на Романа: *но что он подумает? Да всё равно, что подумает!*

Неожиданно для всех я вскочила, выбежала под ливень и начала танцевать. Наташа и мама всполошились:

– Лен, ты что?

– А чего ждать, пока распогодится? Здесь хорошо! Дождь такой теплый.

Я кружилась, а ласковые капли стекали по моему счастливому лицу. Вскоре ливень закончился, и вернулись папа с дядей Сережей.

Не такая как все

Одноклассники меня уважали. Даже очень. Я обладала неоценимой в их глазах суперспособностью. На перемене Мишка, двоечник и хулиган, отвел меня в сторонку и понуро прошептал:

– Лен, мне опять неуд за поведение влепили. Маму расстраивать не хочу. Ты это... это самое... распишись за нее, будь другом.

– А ну, покажи ее подпись.

Легкий росчерк ручки – и в дневнике появилась подпись, которую даже экспертиза не отличила бы от оригинала.

– Класс! Слушай, а записку можешь от ее имени написать, чтобы меня от уроков освободили? По этим... как их... семейным обстоятельствам! Очень надо!

Я замешкалась. Но Мишка бы не отстал. Глянув на почерк его мамы, я написала нужную записку.

– Готово. Держи!

– Ого! Лен, да с такими... этими... как их? способностями у нас большое будущее! Мы таких дел можем замутить... – мечтательно закатил глаза Мишка.

– Об этом даже не думай!

Я посмотрела на него так, что он осекся..

– Да пошутил я.

Тут прозвенел звонок. Учительница, строго оглядев класс, уставилась на меня:

– Деликатная и Назарова, на сегодня вы от уроков освобождены. Нужно оформить стенгазету ко дню рождения директора. Лен, что-нибудь необычное придумай. Фотографии и ватман возьмете у библиотекаря.

Мы с Олей чуть ли не завизжали от радости, а по классу пробежал завистливый ропот. Учительница цыкнула:

– Тихо! Рисовать лучше учитесь, как Деликатная.

Мне часто поручали рисовать стенгазеты, а Оля считалась моей помощницей.

– Лен, как классно получается! Директрисе точно понравится. – Подруга заворуженно рассматривала дикий цвет и птиц, появившиеся из ниоткуда на белом листе ватмана. – И как ты их выдумываешь?

– Я и не выдумываю. Мне надо выполнить задачу: удивить директора, и я сразу вижу картинку. Остается только перенести на бумагу.

Оля вытаращила глаза:

– Как это видишь? Я же не вижу! Вижу только то, что ты нарисовала.

– Я не знаю, как объяснить. Так само получается.

– Странная ты, Ленка... – пожала плечами подруга.

Я подправила глаз серебряному единорогу и – довольная – выдохнула:

– Ну всё! Сегодня быстро управились. Пойдем гулять?

– Ага.

С Олей мы не только сидели за одной партой, но и жили в соседних домах. Ягоды шелковицы, или тютинны, как называют на Кубани, уже поспели, и мы забрались на дерево полакомиться.

На крепких ветках мы могли просидеть до самого вечера. Было забавно, мы видели всех: родителей, соседей, прохожих, а нас, скрытых густой листвой, не замечал никто. Кроме Бэйси, которая всегда составляла нам компанию.

– Лен, а вы чем на летних каникулах будете заниматься?

– Мама говорила, что снова в Крым поедem. Там знаешь как красиво! Я же показывала тебе рисунки.

– А мы тоже на море поедem. В Абхазию. Там пальмы растут. Лен, уже темно. Нас дома не потеряют?

Мы соскользнули с дерева и замерли. С неба нам улыбалась оранжевая Луна. Оля воскликнула:

– Ого! Какая большая!

– Ага. Полнолуние.

– Как она красиво светится!

– Оля, а ты знаешь, что Луна не излучает собственного света? – произнесла я, не в силах оторвать от светила глаз.

– Как это?

– Она сияет, отражая солнечный свет. Я тут подумала... а что, если мы все отражаем свет друг друга...

Оля недоуменно уставилась на меня:

– Что? Я тебя не понимаю. Какой свет?

– Да это я так... Бэйси, ты где? Пошли домой.

– Странная ты все-таки. И с кошкой разговариваешь...

Оля не всегда меня понимала, но нам никогда не было скучно. Мы всегда находили занятия: классики, секреттики, догонялки. У нас с ней даже были «мобильные» телефоны, которые нам сделал папа, используя два пустых спичечных коробка, катушку ниток с игол-

кой и капроновую нитку. Мы с Олей разбегались в разные стороны двора и, спрятавшись за кустами, натягивали нить и переговаривались.

– Але, але! Как слышишь меня? Прием!

– Лена, слышу хорошо!

Мы могли болтать часами.

– Оль, представляешь, когда мы будем взрослыми, появятся телефоны без проводов. И по ним можно будет не только разговаривать, но и видеть друг друга.

– Опять картинку видела? Так-то я и так тебя хорошо вижу, – смеялась подруга. – О! А вон твоя Наташа идет с очередным ухажером.

– Точно! Во дает! Опять новый.

– Очкарик, но симпатичный.

– А давай их напугаем? – предложила я.

– Давай! – захихикала Оля.

Когда сестра с парнем подошли ближе, я с выпученными глазами выскочила из-за кустов:

– Я все маме расскажу-у-у-у-у-у!

Наташа от неожиданности отскочила и налетела на своего спутника, чуть не свалив его с ног.

– Фу, дура, напугала! – Сестра, выдохнув, обратилась к парню: – Это моя младшая сестра. Ей одиннадцать лет. Она так развлекается.

– Приятно с вами познакомиться, – произнес очкарик и густо покраснел.

Мы с Олей и Наташей покатались со смеху.

Я никогда не упускала возможности нашкодить, но всегда знала меру.

– Пойдемте все к нам, чаю попьем. Мама пирог с черешней испекла, – подмигнула я стеснительному кавалеру.

Урок

– Деликатная, к доске!

Я вздрогнула. Сердце бешено заколотилось.

– Живо к доске! Чего сидишь? – Алла Ильинична, уперев руки в боки, сверлила меня взглядом.

Я встала и на негнувшихся ногах подошла к доске.

– Напиши формулу серной кислоты.

Взяв мел, дрожащей рукой я начала выводить:

– $H_2...$

– Ты че как курица лапой пишешь? Писать не умеешь? – твякнула учительница.

Моя рука дрогнула, мел выпал на пол. От страха я оцепенела. Разгневанная женщина хотела унижить меня перед всем классом, это почувствовали все. Одноклассники смотрели на меня сочувствующе, даже Мишка, который постоянно над всеми посмеивался.

– Ты что, онемела? Че молчишь? – взвизгнула Алла Ильинична.

Я тщательно готовилась к уроку и вызубрила все формулы, но они разом вылетели из головы. Оля пыталась подсказать мне ответ, но я никого не видела и не слышала, кроме учительницы.

– Ну ты и глупая, Деликатная! Не понимать таких элементарных формул! Такой тупой ученицы у меня еще не было. Садись! Два!

Я сжалась еще сильнее, едва сдерживая слезы. После урока меня обступили девчонки.

– Лен, за что она тебя так невзлюбила?

Я молчала. Я не могла рассказать одноклассникам, что Анна Ильинична на мне вымещала злобу на мое-

го отца. Папа уволил с работы ее мужа-крановщика за пьянки и прогулы.

Оля успокаивала меня:

– Не слушай ее. Ты не тупая. Ты же всё знаешь, просто боишься ее.

Остро чувствуя неприятие и агрессию, я замыкалась в себе. В такие минуты мир казался враждебным. И, чтобы не сломаться, сохранить внутреннюю нежность и чистоту, я пряталась в свой кокон, в свой внутренний мир.

Каждый раз, когда взрослые резко высказывались и повышали голос, меня охватывала паника, даже если кричали не на меня. От полученного удара сердце мгновенно сжималось и отзывалось болью – настолько я была чувствительна ко всем негативным проявлениям. Отдушину я находила в рисунках, общении с Олей, природой. И в беседах с наставниками.

В их глазах было столько света, который мгновенно окутывал и согревал душу.

– Я ничего плохого не сделала учительнице, – жаловалась я молчаливым старцам. – А она унижает меня перед всеми. Я всего лишь ребенок, я не могу ей ответить. Мне обидно.

– Это игра.

Я удивилась:

– Игра?

– Да. И одновременно урок. В этом мире, играя, вы обучаетесь.

– Как в школе?

– Да, вы проходите жизненные уроки. Каждая ситуация – это урок.

– А чему я должна научиться?

– Разным вещам. Не обижаться. Сохранять внутреннее достоинство и равновесие, несмотря ни на что.

– Это возможно?

– Возможно. Ты научишься.

– Но почему же так больно? Вон на Мишку постоянно кричат, и ему хоть бы хны. А я просто перестаю дышать.

– Ты тонко чувствуешь.

– Но с этим так трудно жить. Это что, проклятие такое?

Старцы улынулись:

– Нет. Это дар.

– Но мне в такие минуты становится страшно. Зачем мне такой дар?

– Без него ты не сможешь так рисовать. Всегда помни, что тебе нужно просто усвоить урок. Нужно просто идти и радоваться этому пути. Будешь прятаться от боли и страха – будет еще больнее. Ты просто получаешь опыт.

– Еще хочу спросить. Меня никто не понимает. Это нормально?

– Люди не обязаны тебя понимать. Главное – понимать и верить в себя. Не потерять себя, свою истину.

Глава 2

Лето – это маленькая жизнь

*Летнее утро. В воздухе тишина;
только поскрипывает на берегу кузнечик да
где-то робко мурлыкает орличка.
На небе неподвижно стоят перистые облака,
похожие на рассыпанный снег.*

А. П. Чехов

Город Абинск, 1997 год

Прозвенел звонок на перемену, и все ученики высыпали на залитый солнцем школьный двор. Вдыхая аромат цветущей сирени, я предвкушала скорое лето и свое пятидесятилетие.

– Смотрите! Андрей идет!

Я оглянулась. По школьной аллее шел высокий темноволосый парень в модных вареных джинсах. Девчонки, все как одна, выпрямились и заулыбались. Мария с придыханием прошептала:

– Какой же он красивый!

Андрей действительно был самым красивым парнем в школе, все девчонки по нему сохли. Он учился в одиннадцатом, на два класса старше, чем мы.

Проходя мимо нас, Андрей оценивающим взглядом скользнул по фигуре Марии, затем посмотрел на меня

и подмигнул, я – в ответ. Девчонки ахнули, а Мария завистливо засверлила меня глазами:

– Я видела, что вы в школу вместе приходите. Ты что, с ним ходишь?

Я замотала головой:

– Да нет. Мы в соседних домах живем, иногда с ним и Олей вместе идем до школы.

Одноклассница облегченно выдохнула, смерив меня холодным, обесценивающим взглядом:

– Понятно. А я-то думала, что он в тебе нашел?

Под пристальными взглядами одноклассниц я поежилась, неловко втянув голову в плечи. На лицах девчонок читалось без слов: «гадкий утенок», «серая мышка». На их фоне я и сама себя так ощущала.

Надменно вздернув подбородок, Мария произнесла:

– Вот увидите, я буду с Андреем!

Никто даже не засомневался, что ей удастся обратиться на себя его внимание. Пухленькая блондинка с огромными голубыми глазами, она была самой видной в нашем классе и полной противоположностью мне – тоненькой кареглазой брюнетке.

Я тогда только вздохнула. Андрей тоже мне нравился, но он всегда смотрел на меня как на пацанку, на друга. Впрочем, как и остальные ребята. Одноклассницы уже всю кокетничали с мальчиками, а я совсем не умела. Моя манера общения с ними была скорее мальчишеской.

Вскоре наступило долгожданное лето. Целыми днями мы с Олей пропадали на улице. А по вечерам в нашем дворе на лавочках собиралась веселая компания. Под лузганье семечек мы, девчонки, слушали хрипы

видавшего виды магнитофона или байки ребят постарше и с нетерпением ждали прихода Андрея.

Стоило ему появиться с гитарой, мягко провести длинными пальцами по струнам и запеть песню Жени Белоусова, как наши полудетские девичьи сердца замирали.

*Девочка моя синеглазая,
Без тебя мне не прожить и дня.
Девочка моя синеглазая,
Ну скажи, что любишь ты меня!*

Иногда я ловила на себе взгляд Андрея, и меня словно пронзало током. Оля красноречиво поглядывала на меня, украдкой толкая в бок. Но разве мог такой красивый парень заинтересоваться мной? «Нет», – отвечала я себе. Тем более я часто видела его с девочками постарше.

С самого начала лета Оля встречалась с Вадиком из соседнего двора. Ей очень хотелось, чтобы и у меня появился парень. Однажды вечером она прибежала к нам домой, молча потащила меня в мою комнату, закрыла изнутри дверь и заговорщически прошептала:

– Вадик с Андреем в честь твоего недавнего дня рождения предложили устроить пикник на речке. Завтра. Будем только я, ты и они.

– Вадик с Андреем ... пикник... – повторила я. – Постой. Это правда?

– Да.

Я растерянно заморгала глазами.

– Лен, ты что, не рада? – недоумевала Оля.

– Кто? Я?

– Ну не я же!

– Оль, но родители же не разрешают ходить на речку!

– А мы им не скажем! И потом, это нам одним ходить туда нельзя! А с ребятами-то можно. С тебя бутерброды и покрывало.

Я так разволновалась, что не спала всю ночь. Наутро, дождавшись, когда родители и Наташа уйдут на работу, я выскользнула из-под одеяла. На кухне старательно сделала бутерброды с плавленым сыром и тонкими, почти прозрачными ломтиками дефицитной докторской колбасы. Уложила в корзинку провизию и пляжный плед.

Надев раздельный купальник, я придиричиво посмотрела на себя в зеркало. Короткая стрижка подчеркивала выразительность глаз. Вздернутый нос придавал лицу озорное выражение. Взгляд скользнул ниже: по острым, угловатым плечам; практически плоской груди; длинным, но тонким ногам.

Представив, что Андрей увидит меня раздетую, я покраснела и запаниковала.

Скажу Оле, что не могу пойти... горло заболело... придумаю что-нибудь.

В дверь позвонили. Заметавшись по комнате, я накинула халат и поспешно открыла дверь.

– Ты что? Спишь, что ли? – удивленно воскликнула Оля. – Ребята уже нас ждут.

– Оль, я это ... я не могу. У меня горло болит... от пломбира. – Я пыталась изобразить хриплый голос.

Подруга уставилась на меня:

– Лен, ты же врать совсем не умеешь. А ну давай переодевайся. Ты хочешь, чтобы я одна с ними была?

Я вздохнула и пошла одеваться.

Было еще утро, но солнце жарило нещадно. До речки мы шли пешком. Андрей, размахивая моей корзинкой, рассказывал анекдоты. Я пыталась смеяться, но смех получался неестественным. Внутри всё трепетало, и я не знала, как себя вести. Не знала, куда деть свои руки, свой взгляд. Это был всё тот же Андрей, с которым мы часто смеялись, но вдруг всё стало по-другому: особенным и безумно волнительным.

Вскоре из-за деревьев показалась вьющаяся лента речки Абин, блестящая в лучах солнца, словно ртуть. Мы выбрали тихое место, подальше от шумных компаний. Вадик достал из пакета с ковбоем Marlboro магнитофон:

– Я кассету с новыми записями нарыл. Сейчас включу. Девчонки, вы Агудина и Сташевского любите?

– Ага, любим, – ответили мы с Олей хором, а Андрей засмеялся:

– Ну хорошо, что не Юру Шатунова.

Скинув футболки, мальчишки скомандовали:

– Мы пойдем прыгать с тарзанки, а вы пока накрывайте поляну.

– Лен, ты чего такая напряженная? Сама не своя, – спросила меня подруга, когда ребята отошли подальше.

– Я всю дорогу думала, что мне при них придется раздеться до купальника.

– Ты стесняешься? Да брось! Это же Вадик и Андрюша!

– Знаю, но что-то изменилось. Это же почти свидание, да? У меня такое впервые.

Подруга неуверенно пожала плечами:

– Ну да, почти свидание.

Когда ребята вернулись, Вадик восторженно приставил:

– Ништяк! Андрюха, посмотри, какой царский стол. Картошечка в мундире! Зеленый лучок! Бутеры. Даже аппетит разыгрался.

– Мы, между прочим, тоже не с пустыми руками! – произнес Андрей, ловко доставая из пакета серебристые банки с джин-тоником.

Я сидела скрестив руки на груди, словно пытаюсь ото всех спрятаться, и боялась поднять на ребят глаза. Андрей, открыв банку, протянул ее мне:

– Не бойся, он слабый. Пей, пока совсем не нагрелся.

Сделав глоток, я сморщилась – алкоголь я пила впервые. Оля выпила напиток полностью. Задержав дыхание, я последовала ее примеру.

Приятное тепло медленно разлилось по телу. Через несколько минут мне стало непривычно легко и смешно. И я уже смело смотрела в глаза Андрея. Он не сводил с меня взгляда, словно внимательно изучал.

Из динамиков магнитофона зазвучал бархатный голос Влада Сташевского:

Не верь мне, милая,
не верь, не верь, не верь.
Очнись, хорошая, очнись,
очнись, очнись.

– О, медляк! Белый танец! – галантно произнес Вадик. – Дамы приглашают кавалеров.

Оля вскочила и с готовностью повисла на своем парне. Она обернулась:

– Лен, чего сидишь?

Андрей, прищурившись, протянул мне руку. Я поднялась и мгновенно оказалась в его объятиях. Сердце бешено заколотилось.

Так странно было чувствовать свои руки на плечах парня, а его ладони – на своей спине.

Песня закончилась, а Андрей меня не отпускал.

– Лен, пойдем прогуляемся? – предложил он.

– Пойдем, – глупо засмеялась я, чувствуя, как кружится голова.

Не отпуская моей руки, он потянул меня в лес, окружавший пляж. Мы шли, и я знала, что произойдет дальше.

Босые, мы стояли в густой траве, среди хрупких, нежных лесных цветов, и смотрели друг на друга. В глазах Андрея можно было утонуть. Он притянул меня к себе, но я неловко уткнулась в его плечо. Увидев мое смущение, пареньшептал:

– Ты такая красивая, когда стесняешься.

У меня перехватило дыхание. *Он действительно считает меня красивой?*

Я подняла голову. Андрей осторожно поцеловал меня в щеку, затем в краешек губ.

Мне было страшно, что он поймет, что я не умею целоваться, но все произошло само собой, как будто я делала это уже много раз.

– Ну как, вы целовались? – шепотом спросила Оля, когда мы возвращались домой, а парни ушли вперед.

Покраснев, я молча кивнула.

– Ну как? – допытывалась подруга.

– Оля, я чувствую себя самой счастливой! Мне прыгать хочется до небес! Это было так... волшебно! Оля, Андрей... Андрюша, он такой хороший!

– Ну вот! А ты идти не хотела. Что, вылечил он твое горло? – засмеялась подруга.

Мы с Андреем начали встречаться. Днем с Олей и Вадиком мы бегали на речку купаться, а долгими летними вечерами сидели на лавочке, слушая песни под гитару. Мне казалось, Андрей пел песни только для меня. Все остальные словно исчезали.

Каждый день поцелуи Андрея становились смелее. Когда движения его рук были более настойчивыми и порывистыми, я отскакивала в испуге, замечая в глазах парня что-то похожее на разочарование.

Однажды Оля сказала:

– Только не влюбляйся в Андрея.

Я удивилась:

– Почему?

– Потом может быть больно. Андрей, он... ветреный. Ты же не первая у него и не последн...

Но я не дала ей договорить:

– Он не такой! Ты не понимаешь! Он выбрал именно меня!

Подруга покачала головой:

– Я тебя предупредила.

Но я никого не хотела слушать. Я встречалась с самым красивым парнем и была влюблена. Остальное было неважно.

В середине лета в парке на дискотеке нас с Андреем увидела моя одноклассница Мария. Она удивленно смотрела на нас и, улучив момент, отвела меня в сторону:

– Лен, давно хотела посмотреть твои рисунки. Можно прийти к тебе домой?

– Да, конечно, – обрадовалась я.

Мария стала часто бывать у меня. Она оказалась человеком с тонким чувством вкуса, мы быстро подружились. Восторгаясь моими рисунками, как будто невзначай она интересовалась:

– А какую музыку ты слушаешь? А Андрей? Какие книги он читает?

Постепенно Мария влилась в нашу компанию. Оля удивлялась:

– Лен, а зачем ты повсюду ее таскаешь с собой? Она же ни на шаг от вас с Андреем не отходит.

– Она говорит, что ей скучно одной, а с нами веселее. Жалко, что ли?

– Все-таки наивная ты, Ленка!

Что со мной не так?

Я проснулась от «поцелуев» утренних солнечных лучей. Пощекотав, они поманили меня к окну. Сладко потянувшись, я вскочила с постели и выглянула на улицу. Улыбка мгновенно сползла с моего лица.

Под шелковицей, державшись за руки, стояли Андрей и Мария. Она что-то говорила ему на ухо и смеялась. Меня бросило в пот. Словно почувствовав мой взгляд, одноклассница подняла глаза на мое окно. Я отскочила. Побежала в другую комнату и осторожно посмотрела через занавеску на улицу, но там никого уже не было.

Может, померещилось? Я цеплялась за слабую надежду как за соломинку.

Но с тех пор на речку Андрей ходил с Марией и на дискотеках танцевал только с ней. Я как будто перестала для него существовать. Увидев их вместе, я убегала домой и запиралась в своей комнате.

Как он мог? А она? Это все она! Наивная, как я могла ей довериться? Как могла не замечать? Она же все спланировала!

Не знаю, что было больнее всего: ошибиться в человеке, которого я идеализировала, или испытать двойное предательство. Предательство первого парня, подарившего минуты счастья, и девочки, которая притворялась подругой.

Наревевшись, я брала карандаш и рисовала вселенную. Мою вселенную, в которой не было ни зависти, ни предательства, ни боли. Тогда я поняла, что быть одной мне гораздо легче и спокойнее: можно быть собой; не надо притворяться и стараться кому-то понравиться. Созерцая окружающий мир и перенося из него на бумагу подмеченное прекрасное, я была намного счастливее, чем в отношениях с Андреем. Наедине с собой я была в безопасности.

С Андреем я испытала волшебные эмоции, но они были не совсем настоящими. Парень, в которого я влюбилась, был выдуманным. Реальный Андрей был другим. Я нарисовала его образ в своем воображении, как Эльбрус, который в моей вселенной был желтым, а в реальной жизни такого не было. Парень был выдуманным, но страдала я по-настоящему.

Внутренне я еще больше зажималась, очень стесняясь своей внешности. Я решила, что совсем некрасивая, раз мальчишки бросали меня ради других девочек.

Мне казалось, что весь мир был настроен против меня. Взбунтовавшись против его несовершенства, я начала «убивать» в себе девушку и культивировать «гадкого утенка».

Я влезла в рваные джинсы, балахоны и brutальные гриндерсы. Выкрасила волосы в синий цвет и обвешалась тяжелыми металлическими украшениями. Мне казалось, что за этим «фасадом» я смогу спрятать свою уязвимость, истинные чувства и переживания.

Целыми днями я пропадала в гараже с одноклассниками, играющими на бас-гитарах гранж. Мы пели песни групп Nirvana и Metallica, сочиняли свои.

Тогда впервые директор вызвал папу в школу.

– Что происходит с Леной? Она ходит обвешанная, как елка новогодняя. Умойте ее, расчешите, а то она на девочку стала не похожа.

Папа, спокойно выслушав, ответил:

– Это временно. Скоро пройдет, и она снова начнет выглядеть как нормальная девчонка.

Родители, не читая нотаций и проповедей, помогли мне спокойно пережить этот период.

Тогда я еще не знала, что сценарий любовного треугольника и двойного предательства вскоре повторится, а потом еще и еще раз.

В такие моменты я не понимала: почему так? *Почему стоит только потянуться к человеку всей душой и начать чувствовать к нему нежность, как он предает? Что со мной не так? И почему так больно?*

Во снах мне был ответ:

– Ты живая. Ты искренняя. Далеко не все такие, как ты. Не бойся встретиться с душевной болью. Только испытав ее, ты научишься видеть, понимать, исцелять свою и чужую боль. Следует научиться прощать обидчиков, принимать боль и преобразовывать ее в силу. Со временем ты научишься.

Зимняя вишня

...и вагон... вагон любви нерастраченной...

*Только это, конечно,
всё в замороженном виде...*

Как в магазине вишня зимой...

К/ф «Зимняя вишня»

Прошло пять лет. К этому времени мы с родителями переехали в Краснодар, а я заканчивала третий курс Кубанского государственного университета. Но проклятие «любовного треугольника» продолжало меня преследовать – отношения не складывались.

Разговоры сокурсниц были исключительно о парнях. Девочки надо мной посмеивались:

– Лен, тебя же многие добиваются! Что, ждешь того самого? Единственного и неповторимого? Рискнешь остаться нетронутой старой девой.

– Лучше остаться старой девой, чем отдаться первому встречному, – отшучивалась я.

– Ха-ха. Кстати, Лен, ты после экзаменов в Краснодаре останешься?

– К бабушке поеду, в станицу, и друзей хочу в Абинске навестить.

Мы сидели с Олей под нашей шелковицей, обмениваясь новостями:

– Лен, как у тебя с тем парнем? Встречаетесь?

Я горько усмехнулась:

– Нет. Он перестал звонить, а потом я увидела, как он шел с моей сокурсницей в обнимку. История опять повторилась, представляешь? Уже в который раз!

Ольга ахнула:

– Вот козел!

– Не знаю даже... они боятся меня, что ли? Только подумаешь, что встретила парня по уму и по сердцу, как он исчезает. Может быть, карма такая?

– Лен, что еще за карма? Не выдумывай. Всё еще будет, не переживай.

– Недавно показывали «Зимнюю вишню». Помнишь, героиня Руслановой говорила про «вагон любви нерас-траченной», которая «в замороженном виде... Как в магазине вишня зимой». Она еще сказала: «А ты приди да разогрей вниманием». Оль, это ведь про меня. Я как та замороженная ягода.

Мы с подругой помолчали. Внезапно мне захотелось побыть наедине с собой.

– Оль, я прогуляюсь до парка. Еще увидимся.

Я любила возвращаться в родной городок и бродить в одиночестве по местам, напоминающим о детстве. Но в парке меня окликнули:

– Лена, это ты?

Я обернулась и встретила глазами с Андреем. Его я узнала сразу, но что-то в нем изменилось, как будто надломилось. Взгляд уже не был таким дерзким.

Я была искренне рада видеть бывшего друга:

– Андрей, привет. Как же мы давно не виделись! Как ты?

– Нормально. Какая же ты стала! – восхищенно произнес он.

– Как Мария? Я слышала, у вас родилась дочь.

Мужчина отвел глаза:

– Мы почти сразу развелись.

Повисла неловкая пауза.

– Лен, у тебя же скоро день рождения?

– Да, через два дня. Ты помнишь?

– Я всё помню.

Андрей поднял на меня взгляд, в котором было все: и чувство вины; и мольба о прощении; и нежность. Этот взгляд решил всё. Мне так захотелось если не вернуть, то хотя бы повторить те минуты счастья, которые я испытала с Андреем в детстве.

– Андрюша, так на море хочется. Давай съездим. Говорят, уже прогрелось.

Он улыбнулся:

– Давай.

Но море оказалось холодным. Мы с Андреем, греясь на песочке, беззаботно смеялись и болтали о всяких пустяках, как в старые добрые времена. Вскоре, разомлев на солнышке, мужчина уснул, а я без стеснения могла им полюбоваться. Мне так захотелось прикоснуться к нему. Я еле сдержалась.

Такой красивый, до сих пор. Так и просится на холст!

Я спешно достала блокнот и карандаш, с которыми никогда не расставалась, и начала зарисовывать. Когда эскиз был окончен, я уже твердо знала, что Андрей станет моим первым мужчиной.

Узнав о том, что я принимаю ухаживания Андрея, Оля малость обалдела:

– Ты шутишь?

– Нет.

– Ты что, его простила? После того, что между вами было?

– Да, – ответила я спокойно.

– Ну ты даешь! – Оля развела руками. Затем пристально на меня посмотрела. – Вы уже переспали?

– Нет, конечно! Точнее, пока нет.

Подруга рассмеялась:

– Неужели бастион последней девственницы готов рухнуть?

Я улыбнулась:

– Готов.

– Но почему именно Андрей?

– Он – моя первая влюбленность. Я знаю его вечно, и с ним легко. Мне важно доверять человеку, с которым это случится. Слишком настойчивые парни меня только отталкивают, а Андрей сдерживает себя, совсем меня не торопит. С пониманием относится к тому, что для меня это первый опыт.

Причудливые облака заботливо укрыли нас с Андреем, растянувшихся на теплом песке у самой речки Абин, приятной тенью. Перебирая и поглаживая мои пальцы, Андрей неожиданно сказал:

– Лен, прости меня.

– Я давно простила.

Он поднял на меня глаза:

– Правда?

Я кивнула.

– Андрей, скажи, почему ты тогда выбрал Марию?

– Ты мне нравилась. Очень. Но ты была совсем еще ребенком, а что нужно семнадцатилетнему парню? Ну ты понимаешь... Я только со временем понял, насколько ты особенная. Не такая как все. – Мужчина поправил мои растрепавшиеся волосы. – Трепетная, хрупкая.

Я прижалась к нему. Он тихо произнес:

– Поедем ко мне?

Я готова было ответить согласием, но, засмущавшись, задала мучивший меня вопрос:

– Ты... чист?

– Ты о чем? А... понял. Не переживай, все в порядке.

– У тебя же есть средства предохранения?

– Лен, я не люблю...

– Либо с контрацепцией, либо никак, – твердо сказала я.

– Хорошо, всё будет так, как захочешь ты.

Открыв глаза, я увидела спящего Андрея, и тотчас меня обожгла горячая волна смущения. Завернувшись в простыню, я тихо выскользнула из постели. Взгляд пробежал по недопитому шампанскому, нетронутым фруктам, и задержался на пышном букете алых роз.

Я неспешно подошла к зеркалу. На меня смотрела улыбающаяся молодая женщина. Сияющая, слегка загорелая кожа, нежный румянец, пунцовые от поцелуев губы. Впервые в жизни я не могла отвести от себя глаз. Впервые в жизни я видела и чувствовала себя красивой.

В зеркале неожиданно появилось отражение Андрея. Он восхитился:

– Лен, какая же ты красивая!

Это было чудесное лето. Это была взаимность, раскрывшаяся не сразу, спустя пять лет после первого поцелуя. Это был второй аккорд нашей детской влюбленности.

С Андреем мы расстались, но в моей жизни он оставил незабываемый, красивый след. Андрей снял с меня заклятие «гадкого утенка». Благодаря ему я почувствовала себя женщиной. Красивой и желанной.

Ничего в жизни не происходит случайно. Она не просто так соединяет людей в одной точке времени и пространства, пусть даже мимолетно. Рано или поздно всё встает на свои места, и мы осознаем, что даже события, которые мы не можем принять, происходят нам во благо.

Не нужно ни о чем сожалеть. Если вас отвергают, это не значит, что вы не достойны быть любимым или с вами что-то не так. Просто не пришло время. Нет ошибок. Есть опыт. И обязательно появится человек, который согреет вас своим вниманием, разморозит «зимнюю вишню».

Глава 3

Зингер

В студенческие годы я жила в Краснодаре, у бабушки по материнской линии. На столе рядом с моей кроватью стоял увесистый деревянный чемоданчик с закругленной крышкой-футляром. Под ней хранилась легендарная швейная машинка «Зингер».

Она была восхитительна: плавно изогнутый корпус; затейливый орнамент; латунная ручка; механизм с тонкой иглой – опасный, но притягательный. Машинка-раритет брала даже плотную джинсовую ткань, которую в девяностые годы выдавали бабушке на хлопчатобумажном комбинате в качестве натуральной оплаты труда. Из джинсы бабуля шила нам с Наташей юбки и сарафаны, а мне – сумки для подрамника и холстов.

Под убаюкивающий стрекот машинки бабушка часто рассказывала нам:

– Эта машинка трофейная. Моя мама, ваша прабабушка, как началась война, шила на ней телогрейки. Мама умерла рано, от туберкулеза. Отец был на фронте, и мы с моим братом Виктором остались совсем одни. Мне было тринадцать, а ему восемь. В Краснодар тогда уже вошли фашисты. Помню, есть было нечего, и мы с Витей пошли в поле собирать кукурузу. А там польские фашисты. Они хотели брата забрать, но мне чудом удалось его спасти.

Бабушку я слушала затаив дыхание. И в который раз просила:

– Бабуль, а про дедушку расскажи.

Деда по материнской линии я никогда не видела, его сердце остановилось задолго до моего рождения.

Бабушка вздыхала:

– Каким же красавцем был ваш дед! В шестнадцать лет он стал красноармейцем. В семнадцать, в феврале 1942 года, участвовал в кровопролитной битве за Керченский пролив. В мороз ему пришлось переплывать пролив и отстреливаться от врагов. С отмороженными пальцами он попал в госпиталь, где их почти все ампутировали. Ему дали звание героя Великой Отечественной войны. После войны мы и познакомились.

Бабушка с дедом были заслуженными ветеранами труда. Многие годы они проработали на рисовых полях, стоя по колено в воде и в жару, и в дождь. Кубанским рисом кормился весь СССР.

Слушая рассказы бабушки о тяжких испытаниях, выпавших на их долю в военные и послевоенные годы, я невольно замирала. Мне было страшно, но одновременно я восхищалась силой духа своих предков, настоящих героев. И начинала понимать, насколько мой род был простым, но сильным и могущественным.

Повзрослев, в трудные минуты я часто вспоминала эти трогательные истории, представляя, как бабушка ценой своей жизни спасает маленького брата или как дед плывет в ледяной воде. Мне становилось легче. Казалось, я чувствую поддержку и силу всего своего рода. Я стремилась соответствовать героическим предкам; старалась не посрамить их память.

Трофейная машинка «Зингер» стала символом преемственности поколений. На ней в студенческие годы я шила платья и кожаные сумки; перешивала вещи, купленные в магазине секонд-хенда, мечтая стать дизайнером костюмов.

С детства мне хотелось сделать этот мир ярче, красивее и уютнее. Это желание во многом родилось из боли. Глядя, как мама подворачивает ноги из-за ямок в асфальте, я мечтала, что когда-нибудь построю кинотеатр или санаторий, а вокруг него непременно будут благоустроенные дорожки и цветники.

Мечты мои отчасти исполнились. Я стала успешным дизайнером интерьеров и участвую в создании кинотеатров. Но путь к успеху был очень непростым. Зачастую это был путь одиночества, боли и слез.

«Екатеринодар»

Город Краснодар, 2000 год

У бабушки мы жили вместе с двоюродной сестрой Жанной. Она училась на первом курсе факультета журналистики на пиар-менеджера, когда устроилась корреспондентом в местный журнал. Однажды Жанна вернулась домой растерянная:

– Лен, представляешь, мне нужно взять интервью у дизайнеров, которые оформляют новый ресторан, «Екатеринодар».

– О! Класс!

– Это Борис Петренко и Алексей Калинин. Ты о них слышала?

– Алексей Калинин? Из династии знаменитых художников?

– Да, он самый. Лен, я так боюсь. Это мое первое интервью, и я не знаю, как себя вести. Пойдем со мной, поддержишь разговор.

– Да, конечно.

В назначенное время мы с Жанной вошли в ресторан. Дизайнеры задерживались, и у нас с сестрой было время осмотреться в заведении. Дизайн интерьера был еще не закончен, но стиль ар-деко уже прослеживался. Мое внимание сразу привлекли рельсы и брусчатка на полу в главном зале.

– Оригинально! – произнесла я вслух.

– Вам нравится?

Оглянувшись, я увидела молодого темноволосого мужчину.

Я кивнула:

– Мне всегда нравился стиль ар-деко. Получается очень атмосферно и необычно, словно это не просто рестораны, но и музей. Этот уличный фонарь, рельсы...

Мужчина смотрел на меня удивленно:

– Это фрагмент узкоколейки 1912 года. Вы знаете, мало кто понимает. А вы...

Он протянул мне руку:

– Алексей Калинин.

Я ответила на рукопожатие:

– Елена. А это Жанна, корреспондент.

Тем временем в помещение вошел невысокий мужчина лет тридцати. Алексей улыбнулся:

– А вот и Борис. Можем начинать интервью.

Жанна попросила дизайнеров рассказать о концепции заведения. Алексей ответил:

– Елена верно подметила. Это будет именно ресторан-музей в стиле ар-деко. Мы с Борисом пытаемся вдохнуть в него атмосферу «скромного обаяния буржуазии» начала XX века.

Я произнесла:

– У вас здорово получается! Если позволите, у меня есть предложение.

– Да, конечно! – Алексей смотрел на меня с интересом.

– На некоторых стенах можно разместить семейные фотографии в духе того времени, в сепии. Это придаст помещению уют.

Дизайнеры переглянулись:

– Отличная идея! Елена, вы дизайнер?

– Я учусь на первом курсе художественно-графического факультета.

– Вы хотели бы с нами поработать? Чувствуется ваш тонкий вкус.

У меня даже дух захватило, настолько неожиданным и нереальным казалось это предложение. Я воскликнула:

– Да, конечно! С большим удовольствием!

Так, благодаря случаю, я стала подмастерьем у матерых мастеров и поняла, что мои способности намного шире, чем у обычного художника.

Для ресторана я рисовала эскизы и подбирала плафоны; помогала в росписи стен и искусственном составлении деревянных столешниц в технике кракле. С Алексеем и Борисом на многие годы у нас сложились дружеские и плодотворные отношения.

Но ни дизайнеры этого ресторана, ни я тогда не знали, что со временем «Екатеринодар» станет культовым

местом. До сих пор, спустя двадцать пять лет, он считается одним из самых атмосферных и стильных заведений Краснодара. По вечерам здесь звучат романсы и джаз; показывают музыкальные спектакли или ретро-фильмы. Очень приятно осознавать, что посетителей ресторана согревает частичка и моей души.

Вспоминая это интервью, я думаю о том, что жизнь полна удивительных возможностей. Главное – научиться их видеть и не бояться проявлять себя.

Пионы

*Способным завидуют,
талантливым вредят,
гениальным – мстят.*

Никколо Паганини

В университете я училась рисовать уже профессионально. Детские рисунки карандашом в альбоме сменились картинами маслом на холсте. Но преподаватель живописи, именитый профессор, женщина в возрасте, мои работы нещадно критиковала:

– Деликатная, что за мазня! Это что у тебя?

– П... пионы, букет... – отвечала я запинаясь.

– Кто ж так рисует? Пробуй еще. А эту картину я заберу в загатник. Будем показывать студентам, как рисовать не надо.

И так повторялось из раза в раз, как я ни старалась. Мои картины, как и работы некоторых студентов, исчезали в неизвестном направлении.

На занятиях, стиснув зубы, я сдерживала рвущиеся наружу рыдания. Но дома, упав на кровать, давала волю слезам: *неужели я бездарность? Неужели художник из меня никудышный?*

Я решила, что цветочный натюрморт – не мой жанр. Но совсем перестать рисовать я не могла. Я нуждалась в живописи, как в глотке свежего воздуха; как в солнечном свете; как в чистой воде и добром слове.

В себя как в художника я поверила только через несколько лет. Произошло это самым неожиданным образом.

Однажды я оказалась по делам в крупнейшем банке города. Меня пригласили в VIP-зону. Войдя в помещение, я замерла. На стенах были развешаны картины, но я уставилась на одну – на нежные пунцовые полураскрывшиеся пионы, тянущиеся к солнцу.

Сотрудница банка спросила:

– Хорошая картина, правда? Так и притягивает взгляд.

– Откуда она у вас? – ошарашенно прошептала я.

– Нашему директору подарили.

Я была ошеломлена настолько, что на минуту потеряла дар речи. Опомнившись, я произнесла:

– Это моя работа. Посмотрите на обороте.

Сняв и перевернув картину, девушка прочитала: «Деликатная Е. А. 2000 год». Удивленно взглянув на меня, она с восхищением воскликнула:

– Какая вы талантливая! На эту картину все обращают внимание. Она дарит такое спокойствие.

Но в моей голове не укладывалось: *как? Как такое возможно, что профессор, уважаемый пожилой человек, оказался настолько непорядочным...*

Это было воровство. Предательство. Удар в спину. Все эти годы я считала себя бездарностью, а в действительности мой талант попросту использовали.

Тут ко мне подошел управляющий банком Андрей Постников.

– Лен, привет. Ты же художник по образованию?

Я молча кивнула.

– Это наша выставка-продажа картин. Как тебе?

Горько усмехнувшись, я ответила:

– Я уже оценила.

Среди этой коллекции я увидела и другие свои работы. Но, подумав, решила оставить всё как есть. Вряд ли бы мне удалось восстановить справедливость, а склок и выяснений с «уважаемым» человеком я не хотела – это было ниже моего достоинства.

Но, к своему удивлению, после этого случая я почувствовала огромное облегчение и вдохновение. *Значит, мои работы достойны выставки! Значит, у меня есть талант, и мне следует развиваться в этом направлении!*

Многие годы я в этом сомневалась. Мою неуверенность в себе как в художнике подпитывало ближайшее окружение. Сокурсники, завидуя, обесценивали мои способности. Наташа, тоже окончившая художественно-графический факультет, имела связи в творческой среде. Но вместо того, чтобы поддержать и поднатаскать меня, сестра высмеивала мои работы.

Дядя Игорь, отчим Жанны, заслуженный художник-маринист, преподававший в нашем университете, мог бы способствовать моему творческому становлению. Но Жанна из чувства зависти всячески противилась этому и просила отчима мне не помогать.

В древнегреческих мифах Зависть всегда сопровождала свою сестру – богиню победы Нику. Так и за моим успехом всегда следовала зависть.

Но несмотря ни на что мой талант пробился через плотную пелену обесценивания, зависти и нездоровой конкуренции – словно одинокий нежный росток сквозь асфальт.

Найти себя в подобных «суровых» условиях мне, ранимой и тонкой натуре, было крайне трудно. И в личном, и в профессиональном плане. На поиски себя ушли годы.

Зачастую жизненный путь проходит через преодоление трудностей и ломаные перспективы. Но всегда следует оставаться человеком.

100 долларов

Город Краснодар, 2002 год

На третьем курсе я крепко сдружилась с яркой рыжеволосой Татьяной из Геленджика и скромной блондинкой Аллой. Всё свободное время мы проводили вместе: рисовали, гуляли, ходили на дискотеки.

Однажды после успешной сдачи летней сессии мы зашли в кафе. Зайдя в заведение, растерялись – все столики были заняты.

– Девчонки, идите к нам! – два крепких парня в малиновых пиджаках пригласили нас за свой столик у окна.

Мы с девочками переглянулись.

– Да не бойтесь! Мы не кусаемся, – засмеялся один из них.

Через пару минут мы болтали с Костей и Славой, как со старыми знакомыми.

– По какому случаю девичник? – поинтересовался весельчак Костя.

– Мы сдали летнюю сессию.

– О! Поздравляю! Дайте угадаю. Вы учитесь на актерском?

– Нет, – рассмеялась я.

Парень построил расстроенную гримасу:

– Как же так? Таких красивых девчонок только в кино снимать!

Аня, покраснев, еле слышно прошептала:

– Мы на художественно-графическом учимся.

– На художников, что ли?

– Да.

– Ничего себе! Бывает же такое! – присвистнул Слава.

– А в чем дело? – мы с девчонками непонимающе уставились на него.

– Да мы до вашего появления как раз обсуждали, где бы взять художника. Мы сняли офис и хотим заказать три... как их... картины. Сможете нарисовать?

– Конечно, сможем! – бойко ответила Таня.

Слава достал из пиджака скомканную бумажку:

– Нам тут посоветовали: «Графика под стекло, в паспарту». Вот, такую графику надо.

Голубые глаза Тани горели огнем. Она сказала:

– 100 долларов. – И, немного подумав, добавила: – Каждой.

– Лады. – Костя с важным видом достал из кармана пиджака сотовый, кнопочную Nokia, которая тогда была в новинку, и произнес: – Диктуйте номер телефона.

Татьяна назвала домашний номер тети, у которой жила.

Мы с девчонками очень радовались неожиданной удаче. Каждая из нас заработает по 100 долларов! В 2002 году это были солидные деньги – примерно три тысячи рублей, что равнялось месячной стипендии. А стипендии в те времена были приличными.

Этот буквально свалившийся на голову заказ был очень кстати. Я копила деньги на поездку в Харьков на обучение в духовной эзотерической школе.

Мы уже начали обдумывать эскизы для заказа, но неожиданно планы поменялись.

– Мне на неделю нужно съездить в станицу к бабушке, помочь ей на бахче, – растерянно сообщила я девочкам после беседы с родителями.

Таня меня успокоила:

– Да, езжай спокойно. Ты же не надолго. Мы подождем. Вернешься, и займемся заказом.

– Спасибо, девчонки.

Через неделю, вернувшись в Краснодар, я первым делом прибежала к Тане:

– Всё, я свободна, можем начинать.

Но та только руками развела:

– Костя со Славой так и не позвонили, представляешь? Наверное, передумали.

– Жаль. Но, может быть, еще позвонят?

– Может. Лен, мы с Аллой ко мне в Геленджик собрались. Поехали с нами.

– Да, я с удовольствием.

На море мы классно отдохнули: загорали; ходили на дискотеки; знакомились с парнями. Потом я уехала в станицу, и лето, как обычно, пролетело быстро.

Первого сентября я спешила по залитой солнцем улице в сторону университета. Мне не терпелось увидеться с подругами. Я так торопилась, что чуть не налетела на Костю со Славой.

– Лен, привет.

– Привет, ребята.

– Куда торопишься?

– В универ. Ну что, будем работать? Вы хотели сделать заказ, – выпалила я.

Ребята удивленно переглянулись:

– Твои подружки еще в начале лета все сделали, и мы им заплатили. Лен, извини, но мы тоже торопимся. Пока.

Ребята ушли, а я стояла посреди улицы, словно окаменев. *Нет, это какое-то недоразумение! Девочки всё объяснят!*

Опомнившись, я побежала в университет. Войдя в аудиторию, сразу увидела подруг. Таня с Аллой стояли у распахнутого окна и чему-то смеялись. Увидев меня, они радостно замахали руками:

– Лен, привет!

– Привет, девчонки. – Подойдя, я пристально всматривалась в их улыбающиеся глаза. – Знаете, кого я сейчас встретила? Костю со Славой.

Улыбки мгновенно сползли с лиц девушек, глаза их забегали. Я спросила:

– Вы выполнили их заказ? Это правда?

Опустив взгляд, Таня быстро произнесла:

– Извини, так получилось. Нам срочно нужны были деньги, а ты так некстати уехала.

А может быть, кстати? – подумала я про себя.

– Девчонки, но мы же договаривались! Мне тоже нужны были деньги, вы же знали!

– Но мы же перед тобой уже извинились, – ответила тихая Алла.

Я никак не могла поверить: близкие подруги, с которыми мы вместе отдыхали и веселились, с которыми я делилась самым сокровенным, хладнокровно нанесли мне удар ниже пояса. Втихаря, за моей спиной, провернули сделку и как ни в чем не бывало продолжали со мной дружить.

Тогда я долго переживала и сильно разочаровалась в дружбе. Мне стало тяжело доверять людям, ведь дружба сродни любви и прежде всего подразумевает доверие. Мой круг общения резко сузился, постепенно превратившись в точку. Я стала общаться только с друзьями старшей сестры, которые постоянно тусовались у нас дома.

Потом выяснилось, что Татьяна и Алла предавали огласке мои секреты и неоднократно присваивали мои идеи, используя их в своих интересах. Спустя время бывшие подруги обращались ко мне за помощью. Я не отворачивалась и помогала чем могла: делилась опытом, знакомила с людьми. Будучи человеком духовно развитым, я с открытым сердцем подсказывала путь тем, кто, поступая некрасиво, неоднократно наносил мне раны.

Сейчас, спустя годы, я общаюсь со многими людьми, но в ближний круг, сакральный и сокровенный, я впу-

стила только двух близких по духу человек. Так сложилось, что в него не входят даже родные люди, с которыми мне сложно быть самой собой. Они меня не слышат; у нас никогда не было теплого доверия и взаимопонимания. По жизни я гребу сама по себе.

Если вас обманули, унизили, обесценили, предали, вы разозлились и оказались в отчаянии, постарайтесь выпустить пар. Проплывите стометровку или пойдите на тренировку в боксерский клуб; покричите в поле и посидите у костра.

Успокоившись, осознайте, что только вам решать, какой вы человек: достойный или нет; бездарный или талантливый. Никогда не принимайте чужое мнение о вас на свой счет.

Многим людям свойственно завидовать и самоутверждаться за чужой счет. Но нет неправильных людей, есть неверно выбранная дистанция. Отойдите в сторону от тех, кто унижает ваше достоинство, прекратите с ними общаться. Ищите единомышленников. Любые отношения – это взаимообмен. Они должны вдохновлять, наполнять радостью и теплом, а не опустошать.

Мир, как разноцветный ковер, ткется из абсолютно разных людей и событий. Из этого рисунка ничего нельзя убрать, иначе все полотно расползется. Но ежедневно перед каждым из нас встает выбор: какие выбрать «нити» и «узелки» – мысли и поступки. От каждого из нас зависит, насколько ровным, красивым и светлым будет узор нашего общего «ковра».

Monte Carlo

Ничто не происходит случайно. Предательство подруг укрепило меня в намерении развиваться в сторону духовности. Я уже не сомневалась в том, что мне необходимо ехать в Харьков.

Среди подруг сестры была Надя, дизайнер интерьера, только ставшая на путь самопознания. Мы много беседовали, и она заинтересовалась поездкой в Харьков:

– Лена, а чему обучают в этой школе?

– Медитациям, различным духовным практикам, направленным на развитие творческих способностей.

– Я бы тоже попробовала. Но не уверена, мое это или нет.

– Не попробуешь – не поймешь, – ответила я.

– Ты права. Лен, когда ты собираешься ехать?

– Планирую следующим летом. Двухнедельное обучение с проживанием стоит двести долларов.

Чтобы заработать нужную сумму, под Новый год я устроилась мерчендайзером в компанию по продаже сигарет Monte Carlo. Одевшись в легинсы с начесом, дубленку и валенки, закутавшись в старенькую бабушкину шаль, я ежедневно ходила на городской рынок торговать табачной продукцией. Замерзала страшно! Бывалые рыночные продавцы научили меня одеваться по принципу капусты: много слоев теплее, чем один.

Однажды мороз был особенно лютым. Чтобы хоть как-то согреться, я, переминаясь с ноги на ногу, пританцовывала. Разглядывая редких покупателей, я обомлела. Между прилавками валяжно расхаживал Мишка, мой одноклассник.

Я призывно заулыбалась:

– Мужчина, сигареты желаете? Monte Carlo! Лучше не найдете!

Мишка подошел, быстрым взглядом скользнул по моему лицу. Было видно, что он не узнал меня, румяную от мороза и закутанную по-бабьи в пуховую шаль.

– Почем, тетенька, продаете?

Я прыснула:

– Мишка, ты что? Одноклассницу не узнаешь?

Он недоуменно вытаращился на меня:

– Лен? Ты, что ли?

– Тетенькой меня еще никто не называл, – засмеялась я.

Мишка заулыбался:

– А ты че здесь делаешь? Ты же на этого... как его... на художника училась... Выгнали, что ли?

Тут я совсем расхохоталась:

– Нет! Я учусь, а здесь подрабатываю.

– И много платят?

– Полтора доллара за четыре часа. За восемь часов по три доллара. Но обещали поднять ставку.

– Не густо, не густо. Лен, давай сразу блок.

– Мишка, друг! Спасибо!

– Тебе спасибо! Я же помню, как ты меня в школе выручала. Эх, гулять так гулять! Давай два блока!

За два зимних месяца я заработала нужную сумму. И в июне мы с Надей уехали в Харьков. Сейчас школы по самопознанию и личностному развитию встречаются на каждом углу, но в 2003 году они были в диковинку.

В институте психологии нас обучали самым азам: расслабляющему дыханию и медитации; способам

успокоения ума и концентрации внимания. Я узнала, как устроена чакральная система, как активировать чакры и улучшить самочувствие с помощью мантр.

На курс в Харькове собрались ищущие люди со всех уголков мира — уникальные, интересные личности. Среди них я нашла единомышленников. Это были мои первые шаги в самопознании. Первые шаги на пути к себе.

Глава 4

Нить судьбы

*Какие звезды спряли нить наших судеб?
Какие боги и стихии соткали ткань наших жизней?
Как случилось, что мой бог встретился с его богом?
Когда они договорились о нашей встрече?*

Лаура Эскивель

*– Прошу, не уходи. Побудь со мной еще немного. –
Обернувшись, мужчина улыбнулся. Глаза его горели
словно огоньки. Я потянулась, чтобы прикоснуться к
нему...*

На протяжении многих лет мне снился один и тот же сон. Снился Роман. С ним мы познакомились случайно на День первокурсника, в погожий сентябрьский вечер.

2000 год

– Вера, какой на тебе шикарный костюм! – искренне восхитилась я, разглядывая наряд однокурсницы цвета горячего шоколада.

– А то! Ткань Шанель, между прочим. Я ее из Парижа привезла, а костюм уже здесь заказала.

Подруга оценивающе взглянула на мой баклажанный жакет:

– На тебе тоже клевый жакетик.

– Бабушка перешила из маминого пальто, – ответила я и засмеялась. – Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку.

Мы вышли на Красную улицу – главный проспект Краснодара, где Вера назначила встречу своему парню, Игорю. Несмотря на то, что вещи на мне были модные, я, восемнадцатилетняя, чувствовала себя очень неуверенно. Мне казалось, что все парни смотрят только на Веру, считая меня некрасивой.

Солнце клонилось к закату. Деревья, обрамляющие проспект, звенели позолоченной листвой. Легкий ветерок доносил откуда-то медовый аромат спелых яблок. Игорь рассказывал что-то нудное, когда Вера остановилась как вкопанная.

– Игорь, смотри, кто идет! Ром, иди к нам! – воскликнула она, помахав рукой в сторону молодых, незнакомых мне ребят.

К нам подошло трое парней.

– Привет. Давно не виделись, – произнес красивый, крепко сложенный парень в белой рубашке и джинсах. – Я не один, а с пацанами.

Но я, кроме него, никого не замечала. Я видела только ослепительную улыбку в пол-лица. И золотисто-карие глаза, сияющие, как огоньки. Встретившись с незнакомцем взглядом, я замерла. Пространство вдруг завибрировало, а время словно остановилось. Все вокруг исчезли, кроме меня и этого парня.

Мы, молодые мужчина и женщина, молча смотрели друг на друга. А потом пришло узнавание. Едва уловимое духовное узнавание: я встретила родственную

душу. Перед мысленным взором пронеслись картинки из прошлых воплощений.

– Лен, ты где? Очнись, – голос Веры вернул меня в реальность. Но я не могла оторвать взгляда от улыбающихся карих глаз.

– Роман, это Лена. Лена, это Роман.

Он театрально мне поклонился:

– Не обременен семьей, детьми и интеллектом.

Все засмеялись.

– Ну, с интеллектом у него все в порядке. Он шутит, – пояснил мне Игорь.

Смутившись, я пролепетала что-то невнятное.

– О! Елена не только прекрасна, но и на редкость скромна, – пошутил Роман, заставив меня густо покраснеть.

Он щедро сыпал шутками и смеялся так заразительно, что притягивал улыбки окружающих. Женщины разных возрастов смотрели на раскрепощенного красавца с нескрываемым интересом; а мужчины – с завистью. Даже Вера, не стесняясь собственного парня, бросала на Романа красноречивые взгляды. Явно кокетничая, она спросила его:

– Мы завтра с Леной зайдём к тебе в клуб. Угостишь нас своим фирменным коктейлем?

– Может быть, вам ещё ключ от квартиры дать, где деньги лежат? – смеясь, ответил молодой человек. И добавил: – Девчонки, конечно, угощу. Какие вопросы?

– Рома работает в клубе, – объяснила мне подруга. – Организует пати.

– Ребята, а пошли в кино. Сейчас «Бойцовский клуб» показывают, – предложил Роман.

– Да ну! Пойдемте лучше на дискотеку, – фыркнула Вера.

Я воскликнула:

– О! Фильм Дэвида Финчера! Я только за!

– Кто это? – зависла в недоумении однокурсница.

Я ответила:

– Режиссер этого фильма.

Рома посмотрел на меня с уважением:

– Знаешь Финчера?

– Конечно! Я ни один фильм его не пропускаю.

– И я. «Игру» раз десять пересматривал.

– Я тоже. Кинематограф – моя страсть.

Парень одобрительно засмеялся. Общие точки соприкосновения быстро сблизили нас с Романом, мы легко нашли общий язык.

Вера как-то странно на нас поглядывала, в ее глазах угадывались отблески ревности. *Может, показалось*, – думала я.

– Ну что? Понравился Рома? Обаятельный, правда? – спросила меня шепотом подруга.

Я кивнула:

– Харизматичный. Впервые встречаю человека с таким потрясающим чувством юмора.

– Еще бы не понравился! Но только ничего, дорогая, тебе не светит. Знаешь, сколько у него девчонок! Он, наверное, и счет потерял. Ты же видишь, как на него все смотрят. Я и сама бы не прочь с ним... – не договорив, Вера мечтательно закатила глаза.

Я удивилась:

– А как же Игорь?

– А что Игорь? Он никуда не денется, а у меня, между прочим, жизнь одна. – Подруга развела руками. – И я хочу насладиться ею сполна.

Я и сама была очарована Романом и готова была пойти за ним куда угодно.

Наше случайное знакомство с ним – совершенно обычная история. Подобные я не раз видела в кино. Но тогда я не знала, что эта, казалось бы, случайная встреча, станет началом удивительной истории любви.

Интересно, кто пишет сценарии этих сюжетов, соединяя мужчину и женщину в одной точке времени и пространства; связывая их жизненные линии единой «нитью судьбы?»

Брак по-итальянски

Будучи организатором вечеринок в клубах, Роман пользовался популярностью. Его остроумные фразы и шутки разбирались на цитаты, а каждое решение и действие говорило о незаурядных способностях. Неудивительно, что он становился душой любой компании.

С появлением Романа мне словно открылись новые миры; всё вокруг стало ярче и радостнее; ощущения стали более глубокими и тонкими. Я была влюблена, но тогда, в восемнадцать, я не считала себя достойной его внимания. И никому не хотела переходить дорогу: вокруг него всегда вились толпы девчонок. Мы общались с Романом исключительно как друзья, называя друг друга братом и сестрой.

Прошло несколько лет. Я уже осознавала свою красоту и женскую силу, имела множество поклонников. Но наши с Романом объятия по-прежнему были дружескими, хотя иногда я ловила на себе его совсем не братский взгляд.

Однажды бывший одноклассник предложил мне закончить начатый им дизайн-проект:

– Лен, у тебя же бизнес по дизайну интерьеров. Будь другом, выручай. У меня вообще никаких идей, а заказчик требует.

Речь шла об оформлении кинозалов в ТРЦ Краснодар, в том числе первого VIP-кинозала на юге России. Я знала, что за дизайн-проект мне не заплатят, – гонолар уже получил и потратил одноклассник – но приняла предложение. В итоге этот проект стал сильнейшим кейсом в моем портфолио.

Заказчику я предложила восточный стиль:

– Феликс Борисович, предлагаю создать в VIP-зале атмосферу «Тысячи и одной ночи». Повесим роскошные бархатные портьеры. Стены оживим росписью, допустим, нарисуем караван верблюдов или слонов. Всё будет без излишеств, деликатно.

– Леночка, мне нравится! Я полностью доверяю тебе чутью и вкусу.

Я разработала дизайн-проект, подобрала мебель, шторы. Для росписи стен привлекла студентов из Индии. Заказчик, посещая объект, довольно потирал руки.

Как-то раз мы поднимались с Феликсом Борисовичем на третий этаж ТРЦ, где располагался кинотеатр. Заказчик посетовал, показав мне пустующие площади на втором этаже:

– Леночка, может, вы что посоветуете. Ума не приложу, что с ними делать. Раньше здесь был ресторан, но он приносил одни убытки.

– Вы же понимаете, Феликс Борисович, что коммерческие пространства должны приносить доход, а не простаивать.

Он вздохнул:

– Ох, Леночка, я, как никто, это понимаю. Может быть, сдать его в аренду?

– Я могу попросить моего друга посмотреть это помещение. Он опытный и креативный человек. Лично я вижу высокий потенциал этого пространства.

Феликс Борисович оживился:

– Да, Леночка, пусть приходит.

Мы с Верой как раз собрались в клуб на вечеринку, которую организовывал Роман. Обворожительный и, как всегда, веселый, он был рад нас видеть.

– Лен, пойдем потанцуем, – угостив нас очередным коктейлем, Рома потянул меня на танцпол. – Классно выглядишь, sister. Глаза так и светятся. Что? Влюбилась? Ну, давай рассказывай, кто счастливчик!

Я засмеялась:

– Влюбилась. В проект. Первый на юге России VIP-кинозал.

Рома присвистнул:

– Ого! Поздравляю.

– Brother, есть и для тебя предложение, нужно вдохнуть жизнь в затухший ресторан. Будем работать в тандеме. Если интересно, познакомлю с заказчиком.

– Конечно, интересно. Стать твоим партнером – я даже и мечтать о таком не смел.

Мой названный брат смешно закатил глаза, а его слова прозвучали настолько двусмысленно, что мы рассмеялись.

С Ромой мы протанцевали до самого утра. Со стороны мы выглядели как парочка влюбленных, наслаждающихся друг другом. В ту ночь я нажила себе кучу врагов в лице его многочисленных поклонниц.

Роман прекрасно чувствовал коммерческие пространства. Стоило ему увидеть пустующее помещение в ТРЦ, как его глаза загорелись творческим огнем.

– Ром, ты тоже видишь его потенциал?

– Да! Еще какой! Я уже представляю, как всё будет! Это будет караоке-бар.

Мы стали работать вместе. Я занималась дизайном помещений, Роман – кухней и баром. Иногда, поставив задачу перед работниками, мы сбегали с ним в кинозал смотреть фильмы. Это всегда было очень романтично.

Однажды показывали фильм с Марчелло Мastroяни и Софи Лорен «Брак по-итальянски». В зале мы с Ромой были совсем одни. В момент, когда герои сжимали друг друга в страстных объятиях, он неожиданно взял мою ладонь и легонько сжал ее, словно хотел что-то сказать. От его прикосновения у меня перехватило дыхание.

Но тут включился свет. В зал колобком вкатился упитанный Феликс Борисович.

– Вот вы где! – Он добродушно улыбался. Устроившись в мягком красном кресле, заказчик замурчал от удовольствия. – Как же в нем удобно! Как в облаке утопаешь, даже вставать не хочется.

– Я рада, что вам нравится, – растерянно пробормотала я.

Открытие кинотеатра совпало с днем моего рождения. Показывали «Пираты Карибского моря – 4». Я пригласила в VIP-зал друзей и родственников. Роман организовал фуршет с фруктами и шампанским, принес кальян. Моя сестра Наташа с неподдельным изумлением разглядывала интерьер, то и дело повторяя:

– Это всё ты придумывала? Это всё ты оформила?

Вместе с Романом мы создали очень крутой объект – караоке-бар, который вышел на федеральный уровень. Аналогов в Краснодаре не было. Заведение стало приносить хорошую прибыль, привлекая людей со всего края.

– Леночка, это невероятно. – Феликс Борисович был потрясен. – За короткий срок вам с Романом удалось реанимировать угасшее заведение. – Он лукаво на меня посмотрел. – Чувствуется, что всё сделано с любовью.

Заказчик был прав. В этом проекте была частичка нашей с Романом любви. Я замечала его взгляды, но наши братско-сестринские отношения не перерастали во что-то более серьезное. Друг другу, да и самим себе, мы боялись признаться в своих чувствах. Опасались их глубины и ответственности за них.

Роман, предпочитая необременительные отношения, всё время встречался с кем-то из девушек; а меня окружали влиятельные поклонники. Один из них, Пантелеймон Иванович, был особенно настойчивым. Однажды он увидел нас с Ромой в ресторане.

Я отошла припудрить носик, а вернувшись, увидела беседующих о чем-то Романа и Пантелеймона Ивановича у выхода из заведения. Последний весь побагровел и сжимал кулаки. На фоне высокого и молодого Ромы он казался жалким старым карликом.

Увидев меня, Пантелеймон Иванович изобразил подобие улыбки и вышел из ресторана. Рома в задумчивости вернулся к нашему столику. Я спросила:

– Вы что, с ним знакомы?

Он усмехнулся:

– Только что познакомились. – Затем, внимательно посмотрев мне в глаза, произнес: – Лен, вы с ним любовники?

Я опешила:

– С чего ты взял? Он же в отцы мне годится!

– Он сказал, что ты его женщина. И чтобы я к тебе больше не приближался.

– Что? – Я ошарашенно вытаращилась на друга. – Ром! Это неправда! У нас исключительно деловые отношения.

– Лен, будь с ним осторожней. Типичный пройдоха.

Роман оказался прав. Со временем Пантелеймон Иванович сделал всё, чтобы отвести от меня других клиентов. Он хотел, чтобы я стала его «придворным» дизайнером и была в полной зависимости от него. Но поскольку я отвергала навязчивые ухаживания Пантелеймона Ивановича, однажды он внезапно разорвал все наши контракты, обесценив мой труд.

Внезапный дождь

*Он взял из ее рук зонтик,
и она еще теснее прижалась к нему,
и сверху барабанило счастье.*

Владимир Набоков

Роман активно занимался клубной деятельностью и организацией увеселительных мероприятий по всему черноморскому побережью. Мы не виделись несколько месяцев и случайно встретились в Краснодаре на де-филе мод.

– Рома, привет! – обрадовалась я, увидев окликнувшего меня друга.

Всё та же улыбка в пол-лица и ясный, сияющий взгляд. Но в этот раз он смотрел иначе. Рома крепко обнял меня:

– Sister, я так рад тебя встретить!

– Взаимно! Удивительно, мы так долго с тобой не виделись, а такое чувство, что и не расставались.

– С языка сняла, я тоже поймал себя на этой мысли. Отлично выглядишь. Неудивительно, что вокруг тебя толпы поклонников.

– Это всё деловые отношения.

– Лен, что ты делаешь сегодня вечером? Может, пройдемся?

У меня были планы, но я ответила, что свободна.

Был поздний вечер. Болтая о пустяках, мы бродили по тихим пустынным улочкам города. Как всегда, с Ромой было спокойно, легко и весело. Но внезапно прогремел гром и начался сильный ливень. Я поспешно раскрыла над нами зонтик, но он был слишком мал для

двоих. Я прижалась к Роману. Крупные дождевые капли громко забарабанили по куполу зонта.

– Побежали ко мне, пока не промокли. Мы совсем рядом, – друг, схватив меня за руку, потянул за собой.

Мы сидели на его кухне, когда Рома произнес:

– Лен, давно хотел тебе сказать. – Он немного помолчал. – Я в тебя влюблен.

Я затаила дыхание.

– Но я не хочу морочить тебе голову. Я не готов к серьезным отношениям. Со мной хорошо проводить время, но для семьи я не создан. Ты меня понимаешь?

– Ром, я тоже не думаю о семье. Ты же знаешь, я строю карьеру. И ты тоже мне нравишься.

В тот вечер он впервые обнял меня по-мужски, не как брат:

– Останешься сегодня у меня?

Я ответила долгим поцелуем. Так начался наш роман без обязательств. Роман, который не мог не начаться.

– Мы с Ромой начали встречаться.

– Да ты что? – Оля воскликнула так громко, что на нас удивленно уставились все посетители кафе.

Понизив голос почти до шепота, она спросила:

– Ну, и что дальше? Он предложил жить вместе?

– Нет. Рома только что расстался с бывшей девушкой. Он не готов к серьезным отношениям.

– А ты будь понастойчивее, прояви женскую хитрость.

– Оля, не в моем стиле навязывать себя. Мы занимаемся с Ромой сексом, но по сути остаемся друзьями. Может быть, и к лучшему. Думаю, я и сама не созрела для глубоких и долгосрочных отношений. Это такая ответственность!

Оля вздохнула:

– Ты права, отношения – это та еще ответственность.

С Романом мы встречались около двух лет. Расставшись, поддерживали дружеские отношения. Но вскоре я уехала в Москву, и мы потеряли друг друга из виду. И только спустя годы я осознала, что значит для меня этот человек.

Привет

Из году в год, изо дня в день, втайне ждешь только одного, – счастливой любовной встречи, живешь, в сущности, только надеждой на эту встречу...

Иван Алексеевич Бунин

2023 год

– Прошу, не уходи. Побудь со мной еще немного. – Обернувшись, Роман улыбнулся. Глаза его горели, особенным огнем, словно угольки. Я протянула руку, чтобы прикоснуться к нему, но он начал медленно таить. – Пожалуйста, не уходи!

На протяжении многих лет мне снился один и тот же сон. Проснувшись, я не сразу открыла глаза. Взглянув на календарь, ахнула.

Сегодня же последнее воскресенье сентября! Ровно двадцать три года назад мы с Ромой познакомились!

Было раннее утро, и меня потянуло в Александро-Невский храм; как раз был день Казанской иконы Пресвятой Богородицы.

Отстояв службу и поклонившись иконе, я вышла из собора. На улице, как положено, обернулась к храму и поклонилась. Подняв глаза, я охнула от восторга – осеннее солнце золотило купола собора. Вдруг от сверкающей центральной маковки отразился солнечный луч. Он, словно указывая мне направление, приглашал за собой. Обернувшись, я проследила за ним. Луч пробежал по небольшой аллее, перескочил через дорогу и остановился на мужчине. Я оцепенела. Человек стоял спиной ко мне, но я сразу узнала его.

Мое сердце забилося от радостного волнения. Не спеша, словно боясь спугнуть нахлынувшую радость, я пересекла аллею, перешла дорогу. Роман разглядывал фасад моего любимого ресторана. Я окликнула друга:

– Привет.

Он обернулся. Его изумление быстро сменилось радостной улыбкой и теплыми объятиями.

– Лена, привет. Сколько же мы не виделись?

– Одиннадцать лет, не меньше.

Но было ощущение, что мы виделись только вчера. Не было ни чувства неловкости, ни стеснения.

– Лен, сейчас переговорю с помощником и попьем кофе. Мы сейчас обновляем этот ресторан.

– Я декорировала это заведение несколько лет назад.

– Да, я знаю.

Отдав распоряжения, Рома потянул меня в кафе.

– А ты совсем не изменилась.

– Знаешь, такое удивительное ощущение, что мне опять восемнадцать, а тебе двадцать. Представляешь, сегодня День первокурсника. Мы познакомились с тобой в этот день, ровно двадцать три года назад.

– Точно! Ты была такой стеснительной тогда.

– Да, очень. Ром, представляешь, мне сегодня при-
снилась наша встреча.

– Вещий сон? Надо же! Наслышан о твоих громких
проектах. Рад за тебя. А как личная жизнь? Как сын?

– Ему уже тринадцать лет. А замуж я так и не вы-
шла.

– Моему сыну одиннадцать. У меня второй брак. Но
что-то не складывается. Я же говорил тебе, что не соз-
дан для семьи.

Немного помолчав, Роман вздохнул:

– Может быть, тебе тогда надо было быть помудрее,
понастойчивее, помягче? – в его голосе звучали нотки
сожаления. – Надавила бы на меня, и, глядишь, все сло-
жилось бы по-другому.

– Brother, не в моем характере навязывать себя муж-
чине. Да и не были мы готовы к серьезным отношени-
ям.

С Ромой мы проговорили до закрытия кафе.

– Лен, через месяц открытие нашего ресторана.
Обязательно приходи. Буду ждать.

Попрощавшись с Романом, я задумалась: мы посто-
янно ищем кого-то. Родственную душу, друга или муж-
чину. А он ведь может находиться совсем рядом. Живет
с тобой в одном городе и, возможно, даже на соседней
улице. Но ты не замечаешь его или до конца не осоз-
наешь, насколько этот человек ценен и важен для тебя.

Это было открытием, озарением для меня. Все эти
годы я искала друга; мужское плечо, на которое могу
опереться; человека, которому могу рассказать и дове-
рить абсолютно всё; человека, который будет понимать
меня с полуслова, с полувзгляда. Но на самом деле я
уже встретила его. Давно, двадцать три года назад.

На открытии ресторана меня встретили как родную, тепло и радушно. Все детали этого пространства мне были хорошо знакомы. Шторы, подушки, скатерти, мебель – весь декор, подобранный мной много лет назад, сохранился. Было ощущение, что я вернулась в свою гавань.

– Ром, здесь настолько уютно, я словно дома.

– Да, но еще есть недоделки. Интерьер кое-где нужно обновить.

– Я с радостью тебе помогу. Чисто по-дружески.

– Спасибо, сестренка.

Глядя в счастливые глаза друга, я неожиданно для самой себя сказала:

– Ты даже не представляешь, насколько ты для меня значимый человек. И как я ценю нашу дружбу, которой уже столько лет. И особенно она ценна тем, что мы оба пронесли ее сквозь годы.

С того дня я стала часто появляться в этом ресторане: тестировала меню и назначала бизнес-встречи. Теперь, спустя два года, в нем висит моя работа с изображением этого заведения – в честь годовщины ресторана, который стал таким значимым для нас.

Однажды, подходя к ресторану, я заметила, что свет в окнах не горит.

«Странно, – подумала я, – время рабочее».

Но стоило мне войти в темное помещение, как зажегся свет. Следом раздался изумленный возглас Романа:

– Слушай, ты как луч света. Отключили свет, сказали, что надолго, но ты вошла – и он появился! Как у тебя так получается?

Улыбнувшись, я пожала плечами.

Признание

Прошел год. Потом еще полгода. Наступила звенящая весна, а с ней и день рождения Романа.

– Это тебе! – Я поставила на ресторанный столик увесистую подарочную коробку, перевязанную красной лентой.

– Что это?

– Открывай.

Удивленный Роман вскрыл упаковку и замер.

– Лен, ну ты даешь! Это же проигрыватель! Настоящий раритет! А это что?

– Коллекционная пластинка группы «Секрет».

– Ух ты! Да тут автографы всех музыкантов! Лен, спасибо! Так неожиданно...

– Я же знаю, что ты увлекаешься музыкой.

На конверте пластинки была обведена песня «Привет».

– Привет! А мы не виделись, наверно, сто лет, – пропел Роман, – Лен, это же про нас песня.

Я кивнула.

– Про нас. Рома, ты знаешь, почему я ни разу официально не выходила замуж?

– Почему?

Сделав глубокий вдох и сдерживая слезы, я произнесла:

– Я только сейчас поняла, насколько сильно тебя люблю. С чем тебя и поздравляю.

Роман вытаращил глаза:

– Да ладно.

– Да, я любила тебя все эти годы. Но ты ничего мне не должен, я просто захотела тебе это сказать, и все.

Роман ничего не ответил. За него ответили его глаза. Они сияли взаимностью. В тот момент слова были лишними.

Он сгреб меня в охапку, поцеловал и долго не отпускал.

– Лен, сейчас внутри меня такое тепло. Ты такая родная! Я не понимаю, как у тебя это получается.

Слышать эти слова, находиться с ним рядом было таким счастьем! Это действительно было истинным родством душ.

Независимо от возраста и как бы ни было страшно, не бойтесь признаваться в любви.

Как только я открылась Роману в своих чувствах, мне стало необыкновенно легко и радостно, словно камень упал с души.

Я почувствовала, что Бог меня любит, а я люблю Его и весь мир. Я осознала, что Творец проявляется во всём, в том числе через нас, людей, познавших безусловную любовь.

Р. S. Через три месяца Роман признался мне, что развелся. Мы не стали форсировать события, продолжая общаться как близкие друзья.

Я прохожу свой путь. Он – свой. Иногда они пересекаются.

Я знаю, что Рома есть. Знаю, что у него всё хорошо, и мне этого достаточно. Я научилась любить и чувствовать его даже на расстоянии.

Я ни на минуту не забываю о нем. И во всем его поддерживаю. Как друг. Как сестра.

Глава 5

Наставления

*Никто не ищет страданий,
они приходят сами,
Не бегай за счастьем,
в свой срок оно найдет тебя под небесами,
Времена года сменяют друг друга,
вода превращается в лед,
Все проходит, мой друг,
смотри, и это тоже пройдет.*

Марат Нигматуллин

2012 год

Стоял жаркий июньский день. В глазах Аркадия Ивановича, профессора факультета психологии и моего духовного наставника, блестели слезы:

– Вот и закончилось обучение. Теперь ты дипломированный парапсихолог, – он вздохнул, – Елена, мы никогда больше не увидимся.

– Но почему, Аркадий Иванович? Я никогда вас не забуду и обязательно буду навещать.

– Я просто это знаю. Елена, у тебя особые способности, я всегда это говорил. Все эти годы я наблюдал за тобой. Наставлял. Направлял. И ни за кого из своих учеников не переживал так, как за тебя, настолько ты ранима.

– Благодарю за заботу, Учитель. Я всегда ее ощущала.

Аркадий Иванович Ло Дзонг был одним из мудрейших людей, которых я встречала. Он пережил афганский плен и побег из него. Каким-то чудом в горах его, полуживого, нашли и выходили тибетские монахи. Они же передали ему сакральные знания.

– Елена, я вот что хочу тебе сказать. Никогда не забывай, что Бог любит тебя. Потому что Он – Свет и Любовь. И ты всегда выбирай Свет и Любовь. Не дай никому, никаким обстоятельствам затушить твой огонь, твою Божественную искру. Есть такая восточная мудрость: «Если ты встал на путь, то иди. Не останавливайся. Упал? Встань и иди!» Духовный рост – это принятие ответственности за свои мысли и поступки. Что бы в жизни ни произошло, нельзя гневить Бога, обижаясь на весь мир. Нужно стойко преодолевать препятствия и идти дальше по своему пути.

– Аркадий Иванович, спасибо за наставления. Но вы так говорите, словно готовите меня к испытаниям. Вы же знаете, у меня есть Глеб. Он очень заботливый и надежный. В сентябре у нас свадьба. Вы будете на ней почетным гостем.

В глазах наставника мелькнуло что-то похожее на сомнение, смешанное с печалью.

– Глеб – хороший парень... и вы так подходите друг к другу. Но... – Аркадий Иванович внезапно замолчал.

– Что «но?» Вы хотите сказать, что нам завидуют? – Я вздохнула. – Да, это так. Глеб очень интересный мужчина, многие женщины хотели бы оказаться на моем месте.

Учитель произнес:

– Ты помнишь, я рассказывал о предательстве близких мне людей после того, как вернулся из плена? Тогда я понял: всё в этой жизни можно пережить, потому что все испытания даются по силам. Всегда помни об этом.

Тогда, накануне своего тридцатилетия, я не придала большого значения словам наставника. Я была счастлива как никогда. Жизнь была налажена. Я была успешным, востребованным дизайнером и готовилась к свадьбе.

С Глебом нас познакомила его мама, Раиса Петровна, моя коллега по эзотерической школе. С ним у нас сразу вспыхнул роман. Глеб, тонко чувствующий и романтичный человек, очень красиво ухаживал за мной. Он буквально носил меня на руках и посвящал стихи; всячески баловал, осыпая цветами и щедрыми подарками.

Глядя на помолвочное кольцо, я улыбнулась. *Через несколько дней я вернусь в Краснодар и увижу любимого. Сердце заколотилось от предвкушения встречи. Как же я соскучилась!*

Помолвочное кольцо

Озираясь, я шла одна по мрачным узким улицам. Тусклый свет фонарей отбрасывал зловещие тени. Казалось, их корявые пальцы тянутся ко мне, к моему кольцу. Я взглянула на свою руку и ужаснулась. Нет, неужели я его потеряла? Не может быть! Только не его!

Проснувшись в холодном поту, я вскочила с постели и подошла к туалетному столику. Затаив дыхание, открыла лаковую шкатулку и облегченно выдохнула – помолвочное кольцо было на месте. Изящная золотая улитка, усыпанная бриллиантами, игриво засверкала в лучах утреннего июньского солнца.

Дурной сон. Просто дурной сон, – успокаивала я себя. Но плохое предчувствие не отпускало.

Схватившись за телефон, я набрала номер Глеба. Он не отвечал.

Может быть, спит? Конечно, спит.

Но я не могла дозвониться до него уже третий день. Это было странно, Глеб всегда перезванивал, когда не мог ответить.

Спит, занят, – уговаривала я себя, – *не накручивай. Сегодня вернусь в Краснодар и увижусь с ним.*

С Глебом мы не виделись уже месяц. Я была на обучении в другой стране. Мы созванивались каждый день и не могли наговориться. Но вот уже три дня, как он буквально пропал.

Вернувшись домой, я снова набрала его номер. Безответные длинные гудки сводили с ума. Когда наконец трубку сняли, я вскрикнула:

– Глеб! Ну наконец! Куда ты пропал?

На том конце провода молчали.

– Алло! Алло! Глеб, ты слышишь меня? Почему ты молчишь?

– Не звони сюда больше! – ответил резкий женский голос.

– Что? – От неожиданности я чуть не выронила трубку из рук. – Раиса, это вы? Что происходит? Где Глеб?

– Не звони сюда больше! – Голос его матери звенел сталью.

– Я не понимаю. В чем дело?

– Глеб женится.

– Ну конечно. У нас же свадьба через три месяца.

– Глеб женится на Милане. Она беременна от него. Не звони ему больше.

Раздались короткие гудки. А внутри меня разливался колючий холод. Ноги подкосились, и я рухнула на кровать, ощущая, как рассыпается мой мир. И рассыпаюсь я.

Сквозь слезы я смотрела в белый потолок. Телефон звякнул сообщением – коллега поздравила меня с днем рождения. Она всегда путала дату и поздравляла меня за месяц до события. Я горько усмехнулась: *в этом году на юбилей я получила прекрасный «подарок».*

Сжавшись в комок, я завывала: *опять предательство!* Предательство близких людей. В памяти стали всплывать моменты, которые казались мне незначительными. Как не по-доброму загорелись глаза Раисы, когда она увидела кольцо, подаренное мне Глебом. В них промелькнули... ревность? Зависть? Тогда я подумала, что показалось. Значит, не показалось.

А ее перешептывания с Верой и Миланой за моей спиной? И зачем я только их познакомила? А та фраза, брошенная Верой как бы невзначай:

– Раиса Петровна, ваш Глеб такой красавец! Милана, моя сестра, как его увидела, так сон потеряла.

Тогда слова Веры я перевела в шутку. С Глебом мы встречались уже два года, и я была в нем уверена как в себе.

Догадка пронзила острой болью: они же всё подстроили! Но Глеб? Как он мог после того, что между нами было, вести двойную жизнь? Каким же он оказался трусом! Что даже боялся снять трубку и честно признаться в измене.

Они все притворялись! Все! Врали, глядя мне в глаза. Им не хватало смелости просто сказать: «Извини, но так получилось». Ведь, если Милана ждет ребенка, значит, они встречаются с Глебом достаточно давно.

Я не понимала, как жить дальше и во что верить. Еще вчера я была счастливой невестой. А сегодня... Сердце защемило: неужели на мне венец безбрачия?

Быть одной стало невыносимо. Я собралась с силами и, не помня себя, вышла из дома.

Опомнилась на оживленном проспекте. Я стояла, замерев и сжавшись в своей боли, а мир вокруг крутился на бешеной скорости. В висках гулко стучала единственная спасительная мысль: *нужно поговорить с Глебом. Это какое-то недоразумение.*

Ноги понесли меня вниз по проспекту, как вдруг я увидела его. Глеб куда-то торопился с огромным букетом роз – моими любимыми цветами. Я бросилась за ним. Он свернул за угол, я – следом.

Забежав в цветущий сквер, я оцепенела. Глеб нежно сжимал в объятиях Милану. Они меня не заметили. И вскоре, радостно смеясь, ушли. Я молча стояла, глядя вслед украденному счастью.

Взмах крыла

*Случай – это псевдоним Бога,
когда он не хочет подписываться своим именем.*

Анатолий Франс

На следующий день меня ждал еще один удар. Даже два. В то время, пока я была на обучении, близкий мне человек переманила моего главного заказчика-отельера, уведя выгодный проект и лишив основного дохода. А доверенная сотрудница сбежала, украв мою клиентскую базу.

Не знаю, как я тогда выдержала. В одночасье, накануне тридцатилетия, лишившись любимого, подруг и ключевого бизнес-партнера, я осталась совсем одна. Не с кем было даже поговорить. Не к кому было прислониться и выплакаться.

События тех дней я помню плохо. Память частично стерла воспоминания, настолько болезненными они были. Мне помогали молитва, медитации и практики, полученные за 12 лет обучения в эзотерической школе. И работа. У меня оставались небольшие контракты.

На работу я ходила на автомате, как зомби. Цеплялась за привычные действия, словно в них был какой-то смысл. После работы я ездила в церковь.

В тот день я сидела на встрече с одним из потенциальных заказчиков, пожилым обрюзгшим мужчиной. Он сильно картавил, не выговаривая звук «р».

– Что-то, Леночка, неважно выглядишь. И глазки красные. Не выспалась? А я говорил, что от молодых одни проблемы!

Игорь Беньяминович давно и настойчиво добивался моего расположения, даже зная, что я встречаюсь с Глебом.

– Леночка, а давай всё бгосим и махнем на Мальдивы? Я весь миг бгошу к твоим ногам. Не хочешь на Мальдивы – поехали в Пагиж.

Я равнодушно смотрела на крупную, подрагивающую бородавку на его подбородке, когда от отчаяния подумала: *А что, если выйти за Игоря Беньяминовича замуж?* Назло всем! Раисе, Глебу, Вере. Особенно Вере. Она безуспешно пыталась охмурить этот «денежный мешок» – так она его называла.

Но почувствовав его потные пальцы на своей руке, я содрогнулась и прогнала эту мысль прочь. *Нет, даже за все деньги мира я не соглашусь выйти за него замуж!*

– Игорь Беньяминович, благодарю за предложение. Но не до курортов сейчас. Мне нужно работать, вы же знаете.

– А отдыхать, Леночка? Нужно же и отдыхать!

– Вы, как всегда, правы. И подкинули мне идею. Я отправлюсь в паломничество.

Брови мужчины медленно поползли вверх:

– Что за бгедовая идея? Плохо пгедставляю тебя с котомкой, клюкой и в лаптях. А куда?

– В Иерусалим.

– Но там небезопасно, Леночка. Стгеляют, – заказчик был напуган, бородавка вздрогнула.

– Меня туда позвали.

– Кто же, Леночка? – ревниво вытаращился Игорь Беньяминович.

– Да так. Забудьте.

Я давно задумывалась о поездке в Святую землю. Она звала меня, словно только там я могла обрести покой. И в тот день я почувствовала, что откладывать поездку больше нельзя.

Игорь Беньяминович проводил меня до моей машины:

– Ты все же подумай, Леночка. Мальдивы – это гай на Земле. Хорошо подумай.

– Спасибо вам за все, Игорь Беньяминович.

Попрощавшись с ним, я села в машину и направилась в сторону храма. На ближайшем же перекрестке остановилась на «долгом» светофоре. Я не переставала думать о Глебе – *как он мог так поступить? За что?* Я начала задыхаться от обиды и непонимания, боли и отчаяния. По щекам полились соленые слезы.

Неожиданно раздался незнакомый голос:

– Девушка, как вы?

Повернувшись, я увидела молодого человека, выглядывающего из черного «мерседеса», вставшего рядом с моей машиной.

Утирая слезы, я ответила:

– Спасибо, всё в порядке.

– У вас такое лицо... да на вас просто нет лица. Как вы в таком состоянии ведете машину? Следуйте за мной.

Тем временем загорелся зеленый свет, незнакомец мягко тронулся и повернул на ближайшую парковку. Я последовала за ним.

На парковке незнакомец, открыв дверь моей «ауди», протянул руку.

– За руль вам сейчас точно нельзя. Вам необходимо прийти в себя. Предлагаю где-нибудь попить кофе, по-

говорить. Может быть, я смогу чем-то помочь, — голос его был необыкновенно мягким и успокаивающим.

Я оперлась на руку мужчины, и меня словно пронзило потоком света. Из ладони незнакомца буквально струилось живительное тепло; в его глазах светилась искренняя забота. Такого со мной никогда не случалось — ни до, ни после. Почувствовав себя под защитой, я мгновенно успокоилась; слезы высохли, а боль этих невыносимых дней растворилась.

В тот же момент раздался ликующий колокольный звон. Повернувшись, я увидела сияющие золотом купола белой церкви. Над ней светило облако, напоминавшее взмах ангельского крыла. Тут же я услышала внутренний голос: «Лена, всё хорошо. Иди с ним, не бойся».

Мужчина, назвавшийся Стасом, предложил пересест в его машину. Я согласилась. Никогда в жизни я так не поступала, но в тот момент всецело доверилась незнакомому человеку, словно посланному Небесами.

— Елена, я еду в ресторан на встречу с друзьями. Приглашаю тебя присоединиться. Но, если ты не хочешь сейчас ни с кем общаться, можем поехать в другое место.

Я замотала головой:

— Стас, не стоит из-за меня менять свои планы. С радостью и благодарностью принимаю твое предложение.

Со Стасом было необыкновенно легко, мы сразу перешли на ты. Оказалось, он живет в Москве; в Краснодар приехал навестить маму. Всю дорогу он не отпускал мою руку, и в тот момент мне было всё равно, куда мы едем. Просто хотелось, чтобы он меня не отпускал.

*На большом перекрестке судеб,
Когда уже ничего не спасти,
Верю я, что ангел-хранитель,
Может ко мне в виде сына с небес сойти.*

Стас припарковался у самого пафосного ресторана города. Мы вышли. В окне заведения я увидела свое отражение. На меня смотрела заплаканная стройная женщина в голубом спортивном костюме. Без укладки, без макияжа. Но было всё равно, что про меня подумают другие, – рядом со мной стоял мужчина, который всем видом внушал уверенность.

Друзья Стаса встретили меня радушно. Он весь вечер был внимателен ко мне и много шутил, стараясь меня развеселить. Я была ему благодарна, но удивлялась сама себе: *что я делаю в этом ресторане с незнакомыми людьми? Я же никогда не сажусь в машину к незнакомцам. Я никогда не бываю в подобных заведениях.*

Но в тот день я отпустила контроль мыслей и поступила так, как чувствовало мое сердце. И это стало спасением.

Я не отрываясь смотрела на Стаса. Его широкую улыбку, глубокие голубые глаза. Я поражалась: *как в таком молодом человеке может быть столько мудрости и глубины?*

Провожая меня домой, он спросил:

– Лен, как ты? Полегчало немного?

– Стас, я так тебе благодарна. Если бы не ты, не знаю, что бы со мной было. Ты послан мне Небесами.

Он слегка засмутился:

– Лен, это удивительно на самом деле. Я же должен был улететь в Москву, но случайность заставила меня задержаться еще на пару дней. И там, на перекрестке, я не отрываясь глядел на светофор, но меня что-то подтолкнуло посмотреть влево – туда, где стояла твоя машина. В такие моменты понимаешь, что «случай – псевдоним Бога».

– Это провидение.

Мы немного помолчали.

– Стас, так ты скоро улетаешь?

– Да, сегодня ночью. Можно будет тебе позвонить?

– Конечно! В любое время.

Мы обменялись телефонами.

– Я тоже планирую уехать. В Иерусалим. В паломничество.

– Ух ты! Лен, обещай, что расскажешь потом, как всё было. Мне очень интересно.

– Обещаю.

Место силы

Перед поездкой я была на генеральной исповеди. Священник, мой духовник, сказал мне: «Признай, что жизнь – не сахар и предавать могут самые близкие. Есть люди, которые пришли на эту землю потреблять, а ты – созидатель; ты отдаешь. Раньше ты была просто Еленой Прекрасной, а теперь ты Елена Премудрая. И в этом смысл испытаний – становиться лучше, сильнее, мудрее».

После исповеди я вспомнила слова Аркадия Ивановича: «Никогда не забывай, что Бог любит тебя. Не дай никому, никаким обстоятельствам, затушить твой огонь. Всё в этой жизни можно пережить, потому что все испытания даются по силам».

Меня озарило: *наставник предвидел!* Он предвидел, что мне предстоят испытания, и хотел поддержать. Но Аркадий Иванович не мог рассказать всё, потому

что это был мой урок. Урок, который нужно было пройти именно мне.

Иерусалим стал местом силы, изменившим мою жизнь. Там у меня произошло раскрытие внутреннего «я»; мне стало необыкновенно легко, светло и спокойно. Молясь в иерусалимских храмах, я просила у Бога:

– Дай мне ответ. Для чего я живу на этой грешной земле? У меня есть все материальные блага, о которых я могла мечтать: успешный бизнес; хорошая квартира. Но отношения с мужчинами не складываются; детей нет. Я не понимаю, для чего живу.

Во время одной из молитв ко мне подошел незнакомый седой священник и неожиданно произнес:

– Ты проводник. Первое твое предназначение – служение людям. Второе – быть матерью.

На мои глаза навернулись слезы:

– Я очень хочу ребенка. Но у меня... не получается забеременеть.

– А ты попроси, дочка. Попроси, – сказав эти слова, старец исчез в полумраке храма.

Стас звонил каждый день. Однажды он признался:

– Ты сегодня мне снилась.

Мое сердце заколотилось от волнения.

– Лен, я постоянно думаю о тебе.

– Я тоже о тебе думаю.

– Ты когда возвращаешься?

– Завтра.

– Сегодня же вылетаю в Краснодар. Я тебя встречу.

На следующий день в аэропорту Стас крепко обнял меня:

– Я соскучился.

– Я тоже. Очень.

Обыкновенное чудо

«Обыкновенное чудо» – какое странное название!

Если чудо – значит, необыкновенное!

А если обыкновенное – следовательно, не чудо.

Разгадка в том, что у нас речь пойдет о любви.

*Юноша и девушка влюбляются друг в друга –
что обыкновенно.*

Ссорятся – что тоже не редкость.

*Едва не умирают от любви. И наконец сила
их чувства доходит до такой высоты,
что начинает творить настоящие чудеса, –
что и удивительно и обыкновенно.*

Евгений Шварц

Я смотрела на две полоски на домашнем тесте и не верила своим глазам. Лицо было мокрым от слез невероятного счастья. Это было чудом. Обыкновенным. Долгожданным и вымоленным.

Нужно сообщить Стасу. Но как он отреагирует?

Тишину разорвал телефонный звонок.

– Лена, привет. В выходные прилечу, хочу тебя видеть. Как дела?

– Дела?..

– Лена, алло? Ты меня слышишь?

– Слышу. Стас, я беременна.

В трубке повисла напряженная пауза. Когда Стас заговорил снова, его голос, изменившийся до неузнаваемости, стал жестким:

– Это мой ребенок?

Я растерянно молчала, а душа кричала: *чей же? Конечно, твой!*

– Я перезвоню. Дай мне время. – Стас положил трубку.

Он просто растерялся, как и я. Просто растерялся, – успокаивала я себя.

Стас перезвонил на следующий день:

– Я посоветовался с мамой. Она сказала, что примет любого моего ребенка. Мы будем помогать, но свадьбы не будет. Лена, у нас был красивый роман, но, пойми, у меня в Москве другая жизнь. Другая женщина.

– Что? – Мне казалось, что я медленно проваливаюсь в черную бездну.

– Прости.

Простить что? Вранье? Ложную надежду на счастье? Да не нужна мне ваша помощь! Справлюсь сама.

Неожиданно для самой себя я сказала:

– Это не твой ребенок, Стас. Не переживай. И маму успокой.

– Лена, это точно?

– Абсолютно. Прощай.

– Лена, погоди... давай поговорим.

Я положила трубку. В тот момент я приняла решение, изменившее судьбы как минимум трех человек.

Если мужчина не готов жениться, его ни детьми, ни уговорами не удержишь. Как бы ни хотелось, но нельзя заставить человека тебя полюбить. ***И ни при каких обстоятельствах нельзя влиять на чужую волю. Если мужчина от тебя отказался, значит, это не твой человек.*** Следует с уважением отнестись к его выбору, постараться принять его, как бы ни было тяжело.

Прошло двенадцать лет. Ранним августовским утром я обнаружила на телефоне неожиданное сообщение: «Привет. Это Стас. Нужно созвониться». Я опешила: *Что ему нужно? Почему он вдруг вспомнил обо мне? И о чем нам говорить?* После того судьбоносного разговора мы ни разу с ним не общались.

Не сразу я ответила: «Привет. О чем ты хочешь поговорить?» Тут же прилетело сообщение: «Есть интересный проект в Москве». Следом зазвонил телефон.

– Лена, привет. Как дела?

– Всё хорошо, Стас. Как ты?

– Нормально. Занимаюсь недвижимостью и ресторанным бизнесом. – Голос Стаса был не таким звонким и жизнерадостным, как двенадцать лет назад.

– Ты упомянул какой-то проект.

– Да, я скину тебе контакты заказчика.

Как оказалось, проект был предложением позвонить мне, но разговор не клеился. Неожиданно Стас произнес:

– В соцсетях я видел фотографии твоего сына. Лен, это мой ребенок?

Я оцепенела.

– Я уверен, что мой. Цвет волос, выражение глаз, телосложение – он вылитый я. Лен, скажи что-нибудь.

– У моего сына есть отец – человек, который его воспитывает.

Стас почти застонал:

– Лен, я разведен. Мамы уже нет. Я совсем один. Пожалуйста, скажи правду: твой сын – мой ребенок? Мне важно знать. – В голосе Стаса было столько сожаления, одиночества и тоски, что мое сердце дрогнуло.

– Стас, все эти годы я была благодарна тебе за то, что у меня есть сын. Да, это твой ребенок.

В трубке раздался вздох облегчения.

– Спасибо. Я это чувствовал.

– Только прошу: не беспокойте нас. Это будет потрясением для сына. Он имеет право знать о тебе, но не сейчас, пока он слишком мал.

– Да, я понимаю.

Положив трубку, я задалась вопросом, на который пыталась ответить себе все эти годы. Почему так произошло? Ведь нам со Стасом выпал шанс быть счастливыми, и мы оба добровольно отказались от него. Он испугался ответственности и сейчас глубоко сожалеет. А я сгоряча, из-за глупой гордыни, перестала общаться с отцом собственного ребенка.

Неоднократно в отношениях с мужчинами я наступала на одни и те же грабли: пребывая в несбыточных иллюзиях, выбирала не тех мужчин. А когда эти «воздушные замки» рушились, я неизбежно испытывала глубокое разочарование и боль. И только с возрастом поняла, что испытать этот опыт, эту боль – мой собственный выбор.

Я сама выбирала этих мужчин. И благодаря им я окрепла духовно; научилась принимать, прощать, отпускать обиды и боль. Научилась больше прислушиваться к себе, быть благодарной и счастливой. Осознала, что я настоящая русская женщина: сильная духом, которая в сложный момент не раскисает, а собирается и побеждает. И это тоже чудо. Обыкновенное чудо.

Бог всегда дает нам шанс на счастье. А вот примем мы его или нет, испугаемся мы его или нет – исключительно наш выбор, который формирует нашу судьбу.

Неосознанный выбор, сделанный сгоряча или назло кому-то, запускает цепь негативных событий и трудностей; и даже может вынести приговор на несчастливую жизнь.

Но всё есть опыт, выбранный нами.

Глава 6

Виа Долороза

*В Иерусалиме нет такого понятия «давно»,
здесь всё происходит сейчас и всегда.
Это нашему мелкому разуму кажется,
что Христос был здесь две тысячи лет назад,
но вот ты побудешь здесь немного и поймешь,
что Он и сейчас ходит по этим камням, сидит
под этими деревьями, скорбит в Гефсиманском саду.*

Юлия Вознесенская. Паломничество Ланселота

Тихонько подоткнув соскользнувшее одеяло, я невольно залюбовалась спящим сыном.

Счастье мое, как же я люблю тебя! Как люблю!

Вот уже тринадцать лет не проходило ни дня, чтобы я не благодарила Всевышнего за этот дар – материнство.

Искренняя благодарность – лучшая молитва. Каждое мое утро начинается именно с нее. Молитва исцеляет душу и тело; очищает мысли, пространство и пищу; настраивает на предстоящий день.

Теплые лучи утреннего солнца золотили домашний иконостас. Мое сердце ликовало – светлые лики Богородицы и Николая Чудотворца смотрели на меня с нежностью и любовью, совсем как в тот летний день в Вифлееме. Мысли мгновенно унесли меня в воспоминания

о паломничестве в Святые земли. Эту поездку, ставшую «точкой отсчета», я не забуду никогда.

Еще царили утренние сумерки, когда нашу паломническую группу привезли на Мертвое море. Символически окунувшись в соленую воду, мы смыли с себя пыль дороги и энергетическую грязь; и снова тронулись в путь. К древним стенам Иерусалима мы подъезжали на рассвете. Гид объявила:

– Первым делом мы подойдем к Стене Плача. Она разделена на две части: слева находится место молитвы для мужчин, справа – для женщин. Если у вас есть просьба к Всевышнему, подготовьте записку с прошением. Записки вкладывают в щели между камнями. У Стены Плача у вас будет пятнадцать минут.

Достав блокнот и ручку, я задумалась; в те сумрачные дни мне о многом хотелось спросить Господа. Вспомнились слова наставника: «В сакральных местах никогда не проси о приумножении богатства. Проси о насущном, но не о материальном». Со слезами на глазах я написала: «Господи, я так запуталась. Пожалуйста, дай мне ответ: для чего я живу на этой грешной земле?»

Над священным городом радостным многоголосием расплывался звон колоколов. Лучи восходящего солнца золотили желтые древние камни Стены Плача. Услышав радостное щебетание, я подняла голову. В ясном небе, звонко вереща, молниями носились маленькие грациозные птицы.

Гид улыбалась:

– Это башенные стрижи – символы свободы и любви. Здесь их называют птицами души. Они выют гнезда в щелях Стены Плача. Большую часть жизни эти уди-

вительные птицы проводят в небесах. Они даже спят в полете.

У Стены Плача я стояла несколько минут, но, казалось, прошла вечность. Приняв записку и словно почувствовав всю мою боль, она буквально примагнитила меня к себе. Слезы лились градом, очищая израненное сердце от боли и обид.

– Елена, мы уходим, не отставайте, – тронула меня за плечо гид.

Собрав группу, она объявила:

– Сейчас мы выйдем к Львиным воротам, откуда начинается Виа Долороза. Путь Скорби, повторяющий Крестный путь Иисуса Христа. На Виа Долороза часовнями и храмами отмечены четырнадцать остановок, соответствующих событиям, которые произошли со Спасителем на этом последнем пути.

Узкая извилистая улочка, вдоль которой раскинулись арабские лавки, повела нас от места осуждения Иисуса к Голгофе. Ступая по каменной мостовой, я пыталась представить измученного Спасителя в терновом венце и с массивным крестом на плечах. Избитого и осмеянного. Внезапно прозвучал тихий голос:

- Он учит нас прощению...
- Что? – Я обернулась.
- Иисус учит нас всепрощению...

Передо мной стояла Мария – женщина из нашей группы. На голове цветастый простенький платочек. Лицо суровое, обветренное, которого, казалось, давно не касалась улыбка. Но больше всего меня поразили ее морщины. Пробороздившие ее лицо, они напоминали шрамы от пролитых слез.

– Ты только представь, милая, сколько Спасителю нашему пришлось испытать. Его били, унижали, оскорбляли. А Он только твердил: «Отче! Прости им, ибо не ведают, что творят». – Сделав паузу, Мария произнесла: –А мы? Умеем ли мы прощать?

В словах простой женщины было столько мудрости, глубины и света, что меня пробрала дрожь. Следом пронзила мысль: *как незначительны мои обиды и проблемы по сравнению с тем, что довелось испытать Иисусу!* Словно прозрев, я постепенно стала приходить в себя; видеть себя и мир в совершенно ином свете.

Последние четыре остановки Крестного пути находятся в храме Гроба Господня, где на православную Пасху сходит Благодатный огонь. В храме я приложила к благоухающей плите Миропомазания, на которую в стародавние времена положили снятое с креста тело Иисуса. Затем, поставив свечу, опаленную Благодатным огнем, я молила о прощении:

– Господи, прости и помилуй. Отец Небесный, очисти меня от грехов и исцели Своей Любовью.

Виа Долороза стала началом пути моего духовного обновления и обращения к вере.

Благословение

*... Вифлеем и причудливые замки на вершинах гор; змеєю
вьется дорога по склонам; на полянах –
стада овец и коз; ... группы пастухов смотрят
в небо, где пылает золотая звезда, летят ангелы,
указывая одною рукой на путеводную звезду,
а другой – в пещеру, где приютились богоматерь,
Иосиф и лежит Младенец, подняв руки в небеса.*

Максим Горький. Сказки об Италии

Древний Вифлеем встретил нас тишиной и ярким солнцем. Встречи с Храмом Рождества Христова я ждала с особым волнением. Эта действующая церковь построена над пещерой, в которой согласно христианскому преданию родился Иисус Христос. Мощные внешние стены храма делают ее похожей на неприступную крепость. Вход в базилику, называемый «вратами смирения», невзрачный, узкий и низкий – невольно склоняешь голову при входе.

Внутри храм поражает величественной простотой. С изумлением я рассматривала древние мозаики на полу, стенах и потемневшие от времени росписи на колоннах, когда гид расстроено произнесла:

– В пещеру нам точно не удастся попасть – очередь огромная, а времени у нас в обрез. У вас есть пятнадцать минут на осмотр храма, далее идем в ресторан. После обеда едем в аэропорт.

– Я никуда не пойду! – замотала я головой. – Мне необходимо увидеть пещеру!

Гид смотрела растерянно:

– Елена, нужно пообедать, впереди долгая дорога.

– Побывать здесь подольше для меня важнее.

– Хорошо. У вас есть полтора часа. Мы будем ждать вас у автобуса.

Меня поддержали четверо человек из нашей группы, включая Марию. Впятером мы остались в храме, уповая на удачу. Около входа в пещеру Рождества Мария изумленно произнесла:

– Смотри! Богородица улыбается! – Женщина не отрываясь смотрела на сияющую икону. – Это чудотворная Вифлеемская икона Божией Матери. Единственное изображение, где Дева Мария улыбается. Я читала, что этот образ был дарован храму Русским императорским домом.

Это был Образ счастливой Матери. Мягкая улыбка Богородицы наполнила мое сердце теплом и необыкновенным спокойствием.

По истертым мраморным ступеням мы спустились в подземный храм, который освещался множеством лампад и свечей. Закопченные стены узкого пространства были завешены потемневшими от времени гобеленами. Очередь к гроту Рождества двигалась крайне медленно. Но меня не покидала уверенность, что мы всё успеем. Так и случилось.

У самого грота седая миниатюрная индианка в фиолетовом сари доброжелательно мне улыбнулась:

– Иди, дочь моя. Тебе нужнее.

Затаив дыхание, я подошла к мраморной полукруглой нише. Место рождения Иисуса отмечено серебряной четырнадцатиконечной звездой, символизирующей Вифлеемскую звезду. Вокруг нее висели лампы и стояли православные иконы. Опустившись на колени, я приложила к звезде. Перекрестившись, поднялась и

подошла к гроту «Святые ясли», куда по преданию Дева Мария положила маленького Иисуса.

Неспешно выйдя из базилики, я присела на каменную лавочку у входа. Чувства переполняли меня. Я ощущала, как всё, что тяготило меня, уходит, растворяется. Тихая, спокойная радость охватила меня. Прикрыв глаза, я пыталась осмыслить и прочувствовать происходящее.

Вскоре я ощутила, как на меня льется свет. Открыв глаза, я ахнула. На древних высоких стенах храма я увидела улыбающиеся лики Девы Марии и Николая Чудотворца. Я зажмурилась и вновь распахнула глаза. Видение не исчезло.

Что происходит? Я схожу с ума?

Тут я почувствовала на себе пристальный взгляд. Обернувшись, увидела невысокого православного священника. Он подошел:

– Поздравляю тебя, дочь моя!

– С чем? – спросила я недоуменно.

– На тебя снизошла Божья благодать.

Я никак не могла поверить в происходящее:

– Батюшка, я приехала сюда затем, чтобы получить ответ. Я на перепутье и не знаю, что делать и куда идти.

Он протянул мне две свечи:

– Пойди поставь их у икон Богородицы и Николая Чудотворца. Ты очистилась, освободила душу от грехов. Бог благословил тебя на благие дела. Твой внутренний свет может стать путеводной звездой для многих. Иди, дочка, поставь свечи. И не забывай о благодарности. Это лучшая молитва.

Домой я вернулась совсем другим человеком. Иерусалим изменил меня внутренне, проявил мое женское предназначение. Он раскрыл во мне как художнике новые грани. Не сразу, но стали приходить более масштабные проекты, которые я делала уже по-другому: с легкой душой с позиции христианки и благодарности Всевышнему.

Тогда, накануне тридцатилетия, мой внутренний «факел» почти угас. Запутавшись, я вслепую бродила в темноте, не зная, в какую сторону идти. Иерусалим словно вывел меня из «темницы» на яркий свет, заново разжег мою искру. Мне нужно было пройти свой «крестный путь», чтобы осознать, что Бог любит меня, чтобы заново обрести себя.

Иерусалим помогает разобраться в себе и взять ответственность за собственные поступки. Начинаешь осознавать, что всё дело в отношениях с собой, а не в людях и обстоятельствах. И если меня предавали другие, значит, я в чем-то предавала саму себя.

Иерусалим стал для меня синонимом перерождения, преображения. Побывав там, ты стремишься совершать красивые поступки не с целью казаться лучше в глазах окружающих, а по велению сердца.

Ты чаще спрашиваешь с себя, а не с других, понимая, что за всё с нас спросится. За каждую мысль. За каждое деяние или бездействие.

В случае неудач и испытаний ты сохраняешь спокойствие и перестаешь задаваться вопросом: «За что тебе это?» Ты понимаешь, за что. Потому что на всё есть причина и следствие.

Что бы ни происходило, всегда стоит помнить о том, что всё происходит нам во благо; а испытания даются, чтобы мы не только стали сильнее, но и пришли к самим себе. Пришли к Богу в себе.

Иерусалим – место силы, переворачивающее сознание и преображающее жизнь. И если ты готов, Святая земля обязательно даст ответы на все вопросы.

Р. S. В Иерусалим я вернулась спустя десять лет со своей двадцатилетней крестной дочерью Татьяной. Ее мама, моя школьная подруга Наталья, погибла, когда девочке был всего годик. После трагедии я взяла ее под свое крыло. В Иерусалиме мы с Таней вместе прошли по Виа Делароза.

Вспоминая себя прежнюю, я осознала, насколько пустую жизнь вела до первого паломничества в Иерусалим. Она была наполнена множеством ярких и громких событий, но только с появлением сына обрела подлинный смысл и настоящую радость.

Глава 7

Выбор

*Возможно, нужно просто сделать шаг...
Из сердца удалить вагон обид.
И Бог подаст какой-то верный знак,
Что к счастью путь свободен и открыт...
Я каюсь, что сама себе во вред
Жила в плену уныний и тревог...
А надо, чтобы в каждой мысли – свет...
И надо, чтобы в каждом слове – Бог...*

Ирина Самарина

– Оля, я беременна.

В трубке раздался звонкий возглас подруги:

– Ой! Я так рада за тебя! Лена, а почему такой грустный голос? Ты же так этого хотела!

– Хотела. Но я в полной растерянности. Стас... он... в общем, у меня нет мужчины, на которого я могу опереться. И с работой большие проблемы. Я не знаю, что делать. Не знаю, потяну ли...

– Милая, все образуется, вот увидишь. Говорят же: Бог дает ребенка и Бог дает на ребенка.

Положив трубку, я закрыла лицо руками. Я находилась на грани отчаяния: в положении, но без стабильной работы и мужа. Тогда я сильно испугалась, и в этом грешна – значит, недостаточно доверяла замыслу Всевышнего. Я даже не знала, как признаться родителям.

Мама, скорее всего, поймет. Но как сказать папе о том, что забеременела без мужа?

Я понимала, что эта новость станет для них ударом, поэтому призналась им только на седьмом месяце, когда мое положение скрывать было уже невозможно.

Оля как в воду глядела – через несколько дней на меня неожиданно посыпались проекты. Один за другим мне стали предлагать выгодные и яркие контракты в Москве, Питере, Париже и Барселоне – от оформления вилл до открытия галереи искусств. Но каждый из вариантов предполагал частые перелеты, длительные командировки и работу от рассвета до заката. При беременности поддерживать подобный режим было практически невозможным.

Потенциальные заказчики смотрели на меня, недоуменно вытаращив глаза:

– Елена, вы отказываетесь?

– Да.

– Но от таких проектов не отказываются! Вы хорошо подумали? Вы верно расслышали сумму гонорара? Такая возможность бывает раз в жизни.

Это было искушением. Взять грех на душу в обмен на «фаустовскую» сделку или сохранить жизнь ребенка, выполнив предназначение, дарованное Богом. Мне очень нужна была работа, но я, ни минуты не сомневаясь, отказалась от щедрых и интересных контрактов, о которых раньше могла только мечтать.

Многие молодые женщины избавляются от беременности ради удобства или карьеры, по требованию родителей или мужчины. Но детки просто так не приходят. Беременность – это благословение Всевышнего. Она может быть тяжелой и тревожной, но как бы сложно

ни было, следует сказать себе: «Я смогу. Я справлюсь». Мужчины и проекты приходят и уходят, а дети могут больше не прийти.

Важно принять верное решение; следует поверить в себя, в Бога и не бояться идти вперед. Всевышний действительно помогает. Всегда.

Недавно, пересматривая фильмы про Великую Отечественную войну, я думала, как тяжело было женщинам в те годы. Но даже в тех суровых условиях, на грани выживания, они влюблялись, любили, рожали детей и находили силы вырастить их, прокормить и достойно воспитать.

Для меня их пример стал ориентиром в подчас нелегкой повседневности. Когда хочется понуть, пожалеть себя, я вспоминаю своих прабабушку и бабушку, которым было намного тяжелее, чем мне. Не жалеть себя нужно, а собраться, сделать выбор и действовать.

Если что-то происходит не так, как вы планировали, и вы ничего не можете изменить, следует успокоиться и постараться принять ситуацию всем сердцем.

Со временем я осознала, что в сложных обстоятельствах проявляются истинные качества человека, пробуждается его внутренняя сила, которая в обычной жизни чаще всего «спит».

В горной обители

Гинеколог смотрел на меня настороженно:

– Голубушка, да вы «счастливая» обладательница редкой четвертой группы крови, да еще и с отрицательным резус-фактором. В вашем возрасте да с такими показателями вам все девять месяцев на сохранении лежать надо, под капельницей.

– Как? – ахнула я.

– А вот так! Иначе угроза выкидыша. Приходите в понедельник, начнем курс.

Сев в машину, припаркованную около больницы, я обессиленно уронила голову на руль.

Что же делать? Лежа в больнице, я не смогу работать.

Рука потянулась к телефону и сама набрала нужный номер.

– Елена, здравия! Рад твоему звонку.

Я разревелась.

– Что случилось?

Слезы не давали произнести ни слова. Я еле выдавила из себя:

– Можно мне приехать?

– Разумеется. Но прежде успокойся и приди в себя. Я буду ждать.

Через два часа я подъехала к белокаменному мужскому монастырю. У распахнутых ворот стоял загорелый крепкий старик в монашеском облачении.

Выскочив из машины, я бросилась к нему:

– Отец Виктор!

– Проходи, дочка, проходи...

В глазах монаха отражалось ясное небо. В них было столько спокойствия и доброты, что я мгновенно успокоилась. Он молча повел меня в храм, подвел к красивому резному иконостасу, полностью состоящему из икон Богородицы. Повсюду горели свечи, чувствовался тонкий запах ладана.

Помолившись и постояв в тишине, мы вышли на улицу. Территория монастыря утопала в яркой зелени, пестрые цветники радовали глаз; белоснежные скульптуры ангелов внушали надежду. В воздухе разливались ароматы трав и стрекот цикад.

– Как же здесь хорошо! – воскликнула я. – Остаться бы...

Монах усмехнулся:

– В монастыре легко быть духовным. Попробуй сохранить духовность на рыночной площади.

Я вздохнула:

– Вы правы.

– Елена, ты голодная небось.

– Не голодная, но от ваших блинчиков с творогом не откажусь, – улыбнулась я.

Через пять минут я уже вкушала блинчики с творогом, лесными ягодами и медом с монастырской пасеки. На столе дымилась отварная картошечка с лисичками.

Внутри монастырской блинной было аскетично, но очень уютно и хлебосольно. Под душистый травяной чай с отцом Виктором мы вспоминали, как волею случая познакомились и подружились. Художник по образованию и резчик по дереву, он занимался восстановлением обители, расписывал стены храмов.

Накормив меня, он спросил:

– Ну а теперь, Елена, рассказывай, что стряслось. С чем пожаловала?

Я отвела глаза, щеки запылали стыдом. Отвечала я сбивчиво:

– Отец Виктор, грешна я. Забеременела вне брака. Поймите, для меня это вымоленный, долгожданный ребенок. Но сомневаюсь, справлюсь ли. Боязно мне. Я совсем одна... Да и врачи пугают риском преждевременных родов и кислородным голоданием для малыша.

Внимательно выслушав меня, монах произнес:

– Ты не сомневайся, дочка, и не унывай. Сомнения и уныние – большой грех. Главное, что ты решила сохранить ребенка, сохранить жизнь. Бог поможет. И я помогу. Я молиться за вас буду. И ты молись. Знаю, что всё хорошо у тебя будет. И со здоровьем, и с работой. Поверь мне. И в себя поверь – без этого никак. Погоди-ка, я сейчас.

Монах, встав из-за стола, ненадолго исчез. Вернувшись, он протянул мне сверток:

– Возьми. Здесь горные травы. Я сам собирал.

– Но беременным нельзя пить травы, – ответила я с сомнением.

– Эти тебе помогут.

До самых родов отец Виктор непрестанно молился за нас с ребенком, сжигая тысячи свечей. Я постоянно чувствовала его поддержку.

После поездки в горный монастырь я приняла важное решение – не ныть и не жалеть себя ни при каких обстоятельствах; не тратить энергию на обиды и страдания. Мне нужны были силы и здоровье, чтобы выносить и родить здорового ребенка.

Понимая, что с ребенком мы единое целое, – он чувствовал всё, что чувствовала я, – я запретила себе думать о плохом.

Вскоре открылись новые двери возможностей, позволившие мне заключить контракты, в том числе по ландшафтному проектированию и дизайнерскому надзору коттеджного поселка «Царское село» в городе-курорте Горячий Ключ. Я пошла на эту сделку на свой страх и риск, зная, что периодически мне придется ложиться на сохранение, а неустойки за срыв сроков были очень большими. Заказчиков я предупредила о том, что время от времени буду управлять проектом дистанционно. Будучи заинтересованными в моем участии, они согласились.

Проект развивался хорошо. Заказчики и я были всем довольны. Однажды закончив дизайнерский надзор и дав указания прорабу, я поспешила на парковку. Мне предстоял часовой переезд в Краснодар, и я планировала вернуться домой к ужину. Но не сбылось.

На парковке возле моей машины крутились белые «жигули», водитель неуклюже пытался развернуться под старый хит Аллегровой «Угнала тебя, угнала...». «девятка» начала сдавать назад, и я замерла от дурного предчувствия. Через мгновение послышался скрежет металла. Мужчина, выскочив из машины как ошпаренный, бросился осматривать место «поцелуя».

– Бампер задел! Девушка, я все оплачу, не переживайте. Простите, я не заметил вашу машину.

Как можно не заметить красный автомобиль?

Я обреченно махнула рукой:

– Вызывайте ГИБДД.

Подобные ДТП в течение беременности случались неоднократно. Повреждения были небольшими, но выяснения с инспекторами и оформление документов отнимали много времени и нервов.

Однажды, совсем растерянная, я стояла на мойке в ожидании сотрудников ГИБДД. Подъехавший инспектор, увидев меня, присвистнул:

– Опять вы? Не прошло и полгода...

Я обескураженно всплеснула руками:

– Сама в шоке. Девушка неаккуратно разворачивалась и задела мою машину. Опять бампер, представляете?

Пока инспектор опрашивал виновницу происшествия, раздался телефонный звонок.

– Елена, как дела? – Отец Виктор был немало встревожен.

– Да вот, очередное ДТП, опять въехали в мою машину. Не понимаю, как такое может быть?

– Непокойно мне за тебя. Чувствую, словно что-то темное не хочет, чтобы продолжался твой род. Пожалуйста, будь внимательнее. Тебе нужно молиться за свой род и просить его о помощи.

Оберег

Содрогаясь от пронизывающего ветра, я брела по перевалу в непроглядной темноте. Дождь бессердечно хлестал по лицу. Как же холодно и одиноко!

В те дни мне часто снился этот сон. Сон-метафора, отражавший мой путь. Путь преодоления длиною в девять месяцев. Иногда было настолько тяжело, что опу-

скались руки и, казалось, я не выдержу. Но биение под сердцем новой маленькой жизни придавало силы и уверенность в том, что всё будет хорошо. Поглаживая живот, я говорила:

– Мы справимся.

Мне нужно было выполнить ответственные проекты в жесткие сроки и при этом позаботиться о себе и ребенке. Когда было совсем туго, я ехала в горный монастырь. В обитель спокойствия и место силы, где всё сразу становилось на свои места.

Однажды отец Виктор показал мне свою мастерскую, в которой царил традиционный творческий беспорядок. Повсюду лежали плотницкие инструменты и незаконченные резные панно. Пахло стружкой и деревом. В проникающих через окно лучах солнца кружилась золотистая пыль.

Мой взгляд упал и уже не мог оторваться от изящного деревянного панно. Хрупкие полураспустившиеся бутоны роз окружали узоры из шишек. Я задумалась: в мистических учениях шишка символизирует космический вихрь, из которого была создана Вселенная и жизнь. Шишка ассоциируется и с шишковидной железой, активация которой способствует духовному пробуждению.

– Нравится? – спросил монах.

– Очень! Здесь девять роз? Как аллегория девяти месяцев беременности.

Отец Виктор кивнул:

– Да.

– Розы символизируют хрупкость. Шишки – силу и торжество жизни...

– Всё верно. Панно твое!

– Как? Я не могу...

– Елена, я вырезал его для тебя. Только вчера закончил.

– Отец Виктор, это так трогательно! Благодарю! Я повешу его в спальне. Оно будет нам с Иваном оберегом.

– Ты решила назвать сына Иваном?

– Да.

Беременность протекала трудно. Полмесяца я лежала на сохранении, дистанционно управляя объектом. Выйдя из больницы, мчалась на строительство в Горячий Ключ, раскинувшийся среди живописных озер и парков. Суровый прораб смотрел на меня с нескрываемым удивлением:

– Вы правда в положении? Что-то не похоже.

Отработав две недели, я опять ложилась в больницу. Лежала под капельницей и молилась, чтобы хватило сил и выносить здорового ребенка, и выполнить контракты.

Соседок по палате ежедневно навещали мужья. Столько заботы и красоты было в их отношениях! Глядя на счастливых мужчин и женщин, я с горечью вспоминала, как когда-то представляла свои замужество и беременность.

В моих мечтах муж и родственники заботились обо мне, буквально сдували пылинки. А я, окруженная вниманием и любовью, наслаждалась беременностью и позволяла себе покапризничать: «Не хочу селедку, хочу икру с шоколадкой!»

Но реальность оказалась совсем другой. Позаботиться обо мне могла только я сама. И было не до капризов.

В стенах больничной палаты пересекались разные женские судьбы; переплетались радость и грусть.

*9 роз вырезал художник и молился,
Пока сын рос у меня внутри,
Чтобы ты появился здоровым,
и Архангел берег тебя с Богом
На твоём жизненном Пути.*

– Елена, угощайтесь, мне много. Муж просто задал, – соседка, светловолосая девушка лет восемнадцати, протягивала мне шоколадные конфеты.

– О! «Кара-Кум!» Вкус детства. Спасибо, Ирочка.

– А почему к вам никто не приходит? – поинтересовалась она.

Я пожала плечами:

– Так сложилось. Некому приходить.

Словоохотливая девушка вся светилась:

– Елена, представляете, Игорь, когда узнал, что я забеременела, так обрадовался, что подарил мне кольцо с бриллиантами. Я вам сейчас фото покажу.

– Рада за вас, Ирочка. О! Кольцо необычное и очень красивое. И муж твой настоящий красавец!

Ирина улыбалась:

– Он так меня любит! Я сейчас расскажу, как мы познакомились.

Но ее прервал телефонный звонок.

– Странно, соседка звонит. Привет! Все хорошо! – радостно щебетала девушка в трубку.

Но спустя минуту выражение лица ее изменилось, а из глаз потекли безудержные слезы. Бросив телефон и зарывав, она упала лицом на подушку.

Позднее Ирина призналась:

– Соседка сказала, что, как только меня положили в больницу, Игорь стал приводить домой женщину. Елена, как же так? Как он мог?

Несчастная девушка смотрела на меня красными от слез глазами. На нее было больно смотреть. Хотелось утешить, поддержать.

– Ирочка, он не ведал, что творит.

– И что мне теперь делать? Я же на ребенка согласилась, потому что он хотел. И как ему теперь верить? Наверное, лучше быть одной, как вы.

Я горько покачала головой:

– Ирочка, у каждого своя история. Каждая из нас проходит собственный жизненный урок. Знаешь, как отреагировал отец моего ребенка, узнав о беременности? Он спросил: «Это мой ребенок?» Трудно описать словами, что я тогда испытала.

– Вы, наверное, возненавидели его?

– Нет, что ты. Я искренне благодарна ему за сына. И отца своего ребенка следует уважать.

Мы помолчали.

– Ирочка, послушай меня. Вспомни, как вчера убивалась женщина, у которой случился выкидыш? Тебе нужно думать о здоровье ребенка, сейчас это главное. Это твой долг и ответственность. Соберись! Жизнь и здоровье малыша зависят от тебя и твоего внутреннего состояния. Ребенок чувствует всё, что ты испытываешь, понимаешь? Твой Игорь станет хорошим отцом, это видно. И никто другой не будет любить вашего ребенка, как он. Слова соседки могут оказаться неправдой, ты потом с этим разберешься. Сейчас думай о себе и ребенке. Это важнее.

Глаза девушки посветлели:

– Спасибо, Елена. Вы правы, я ведь об этом и не подумала.

Полночь

*Материнская любовь! Въ этом словѣ
выражается все благополучіе.
Отъ тебя оно исходитъ и къ тебѣ возвращается.
И тѣмъ полнѣе, чѣмъ больше любовь!*

**Поллокъ. Токологія,
или нНаука о рождніи дѣтей. 1892 г.**

На календаре было 28 февраля, но зима даже и не думала сдаваться. Глядя в окно на разыгравшуюся метель, я поежилась. *Скорее бы уже весна!* Так хочется тепла!

Перед сном я решила принять душ. Шум и ласковые прикосновения воды подействовали умиротворяюще, очищая не только тело, но и мысли. После душа я почувствовала, что тянет низ живота. Прилегла, но ощущения усиливались. Я позвонила сестре:

– Наташа, кажется, начались схватки.

В десять вечера они с мужем привезли меня в роддом. Меня быстро оформили в вип-палату и начали готовить к родам. Оказалось, уже отошли воды – видимо, еще в душе, потому что я даже не заметила.

В родильном зале меня ждал сюрприз. За процессом моих родов приготовились наблюдать шесть любопытных аспирантов. Они с азартом делали ставки, как на тотализаторе:

– Спорим, до полуночи родит.

– Нет, после.

Эти забавные разговоры немного отвлекали меня от боли и переживаний, я даже посмеялась. Но затем боль стала такой сильной, что все вокруг словно исчезли. Я слышала только низкий голос акушерки:

– Тужься, тужься...

Никто из аспирантов не угадал. Родила я ровно в полночь. В момент, когда закончился один день и начался следующий; когда ушло старое и пришло новое. На стыке зимы и весны.

Когда впервые мне положили сына на грудь, я не могла поверить, что это происходит со мной. Я с изумлением рассматривала его.

Какой же ты Иван? Нет, надо дать другое имя.

В груди от безграничной любви разливался свет. Какое счастье! У меня есть сын! Я теперь не одна в этом мире. Подумав об этом, я провалилась в глубокий сон.

Слава Богу, родила я совершенно здорового ребенка. Назвала его Кириллом по святочному календарю.

Вернувшись из роддома, я положила сверток с сыном на пеленальный столик и сфотографировала его. Это был первый снимок сына. Фотографию отправила маме со словами: «Теперь у вас с отцом есть внук». Их радость была сумасшедшая, но до сорока дней я никому Кирилла не показывала.

Я не могла насмотреться на него, на его крохотные ручки, ножки. Я удивлялась: все говорят, что детки рождаются страшненькими, сморщенными, а мне сын казался очень красивым.

На сороковой день я отвезла его к отцу Виктору.

– Вот ты и стала матерью. А на Земле стало светлее, словно зажглась новая звезда. Елена, твоя жизнь наполнилась новым смыслом. Роды меняют женщину, раскрывая ее колоссальную силу. Ты это почувствуешь.

Благословив Кирилла, монах положил в его люльку небольшую икону Богородицы.

Главный учитель

*Ребенок может научить взрослого трем вещам:
радоваться без всякой причины, всегда находить себе за-
нятие и настаивать на своем.*

Пауло Коэльо

Осознание, что я стала мамой, пришло не сразу. Но я ясно понимала, что жизнь никогда не будет прежней; что нужно быть еще собранней и сильнее, поскольку от меня зависела жизнь этого крохотного комочка.

Отец Виктор был прав, материнство – это путь трансформации, и Кирилл стал моим главным учителем. Удивительно: кажется, что мы воспитываем своих детей, а на самом деле – они нас. Вначале мы их оберегаем, а со временем они становятся нашими ангелами-хранителями и опорой.

Я наблюдала, как Кирилл взрослеет, делает первые шаги и с любопытством познает себя и мир. Вместе с сыном я открывала мир заново, училась смотреть на него глазами ребенка.

Благодаря ему я стала лучше понимать себя и мужчин. В любой повседневной ситуации, глядя на Кирилла, я понимала, что передо мной пусть маленький, но мужчина. И ты не можешь себе позволить выглядеть при нем неопрятно или сказать необдуманные или надменные слова.

Сын научил меня собранности и открытости. Глядя на него, я вспоминала, как это – жить в легкости, радости, доверии к себе и миру.

Уже через два месяца после рождения сына я вернулась к работе. Никого не интересовало, что у меня груд-

ной ребенок. Я взялась за эти проекты и должна была сдать их качественно и в срок. Когда моя мама не могла посидеть с Кириллом, я таскала его повсюду в люльке: на строительство «Царского села», на совещания и по строительным рынкам.

Иногда было очень тяжело, но я никому не жаловалась. Спустя годы я понимаю, что это было ошибкой. ***Не надо стесняться просить о помощи. Это не стыдно и абсолютно нормально.***

Первые три года, самые уязвимые для детей, мама нужна им круглосуточно. Но важно не забывать и о себе, потому что детям нужна в первую очередь любящая и счастливая мать. Все чаще я вспоминала слова мудрецов, посещавших меня во время осознанных сновидений: «Каждый человек приходит сюда, чтобы научиться быть счастливым». Да, именно так! У Кирилла я училась быть счастливой.

Я училась и отпускать присущий мне гиперконтроль — мы не можем подстелить соломку своим детям на все случаи жизни. И не нужно. Следует позволить ребенку делать ошибки и набивать собственные шишки. Так он взрослеет, набирает опыт и учится принимать самостоятельные решения.

Сейчас многие говорят об осознанном материнстве или мудром родительстве. Оно, прежде всего, подразумевает осознанное отношение к самой себе, понимание себя, собственных эмоций и поступков. ***Вращивайте осознанность в себе, и ваши решения будут более взвешенными, зрелыми и мудрыми; отношение к детям, людям и жизни станет осознанным.***

Дети чувствуют малейшую фальшь и во всём копируют взрослых, поэтому следует взвешивать каждую

мысль, эмоцию и поступок. «Любовь воспитывается любовью, доброта воспитывается доброю, чуткость – чуткостью воспитывается, совесть – совестью воспитывается, красота – красотой». Это слова психолога и педагога Шалвы Амонашвили.

Полностью согласна и с мнением академика Татьяны Владимировны Черниговской: «Лучшее, что мы можем сделать для детей, – это разглядеть их». То есть быть внимательным к ребенку, понять его, почувствовать.

Не надо ничего навязывать детям. Не хочет заниматься хоккеем или фортепиано – не давите, не накладывайте на него собственные желания и ожидания. Просто наблюдайте: чем ему нравится заниматься, чем интересуется – и помогайте ему, направляйте. Всё должно быть мягко, без насилия. Ребенок сам тянется к знаниям, главное – не отбить желание.

Рассыпанный инжир

Кириллу было три года, когда произошел один случай. Мы отдыхали в санатории и торопились на назначенные процедуры. Я держала сына за руку, но неожиданно он вырвался и побежал. Я успела только воскликнуть:

– Кирилл, ты куда?

Всё дальнейшее происходило как в замедленной съемке.

Я увидела, как сын оказался около канализационного люка и наступил на него. Крышка начала медленно переворачиваться. Я оцепенела. Боковым зрением я

видела, как по асфальту рассыпается спелый инжир и из ниоткуда появляется человек в черном, схвативший Кирилла за капюшон.

Придя в себя, я прижала испуганного сына к себе:

– Ты цел?

Он закричал:

– Башмак! Мне нужен мой башмак!

– Кирилл, какой башмак? – оглядев сына, я заметила, что одного ботинка у него нет.

– Извините, башмак спасти не удалось, – произнес мужской голос.

Обернувшись, я увидела нашего спасителя. Мощного, как гора. Голубоглазого, с легкой небритостью на лице. На мгновение мне показалось, что передо мной стоит мой наставник Аркадий Иванович, настолько они были похожи. Аркадия Ивановича уже не было в живых. Его слова оказались пророческими – мы действительно больше не увиделись. Но в тот день он словно вернулся в мою жизнь в лице незнакомца.

Здоровяк протянул руку:

– Андрей Юрьевич.

– Елена. Благодарю вас. Вы спасли моего сына. Это чудо, – голос мой дрожал.

– Я вижу, вы с сыном сильно напуганы. Пойдемте со мной, я знаю, как убрать испуг. Не бойтесь. Я был в афганском плену, затем бежал. В горах меня нашли монахи и кое-чему обучили.

Я не верила своим ушам. Рассказ незнакомца был похож на историю моего наставника.

Как оказалось, спаситель Кирилла занимал высокий пост в службе безопасности по Краснодарскому краю. Андрей Юрьевич стал нам с сыном другом и на-

ставником. Наблюдая за подрастающим Кириллом, он говорил:

– Удивительно, сколько мудрости и глубины в этом маленьком человечке. Елена, твой сын – уникальный ребенок. Я знаю, что говорю. Он может стать, кем захочет.

В день памяти святого Андрея Первозванного я молюсь за Андрея Юрьевича и благодарю за спасение моего сына.

Глава 8

Сон

2020 год

– Елена, я впечатлен! Это так круто! – Исмаил Абрамович, собственник культурно-развлекательного центра, с чувством тряс мою руку. – Вся моя семья в абсолютном восторге! Я доволен.

– Я рада.

Мужчина, немного смутившись, добавил:

– Вы оказались правы по всем пунктам. Помню, как спорил с вами относительно акустических панелей, экрана и подсветки, а вы не сдавались. Вы настоящий профессионал! Сделать такой центр всего за три месяца – это просто невероятно. У меня нет слов!

– Благодарю, Исмаил Абрамович. Помяните мое слово, ваш центр долгие годы будет актуальным и современным.

– Да, да! И лучшим в регионе, если не в России! Я очень доволен!

После этого разговора я облегченно выдохнула. Это был самый сложный проект в моей практике, и еще три месяца назад никто в него не верил. Трансформация трех этажей старых складских помещений в современное арт-пространство для проведения различных культурных мероприятий, включающее конференц-зал и

два кинозала, казалась утопией. На каждом совещании мне приходилось защищать проект, доказывать необходимость использования самых современных технологий и материалов.

Месяцы недосыпаний и жесткого рабочего графика эмоционально истощили меня. Чтобы восстановиться, я взяла обет: на протяжении девяноста дней читать утренние и вечерние молитвы. В последний день обета мне приснился сон.

Я неспешно шла по залитому солнцем хрустальному льду. Мой взгляд не отрывался от живописной двухвершинной скалы. Вдруг с одной из вершин взметнулся орел и полетел мне навстречу...

В тот же день мне позвонила Лиза, помощница Исмаила Абрамовича:

– Елена, здравствуйте. Еще раз от имени компании выражаю вам признательность за ваш труд. Вы вывели нашу компанию на совершенно другой уровень. Исмаил Абрамович решил наградить вас поездкой на Байкал.

– На Байкал? – удивленно переспросила я, вспоминая сон.

– Да. К 8 Марта мы решили поощрить лучших дизайнеров, работавших с нами. Вы согласны?

– Конечно! Благодарю!

– Отлично! Сегодня же пришлю вам билеты. Вылет в Иркутск с пересадкой в Москве через неделю, 3 марта.

Все дни до вылета я чувствовала легкое волнение, предвкушая встречу со Святым морем, как называют Байкал. Я хорошо осознавала, что это не случайная и не рядовая туристическая поездка, а нечто большее.

Почти собрав чемодан, я внезапно решила взять запасную верхнюю одежду и обувь. Затем взгляд зацепился за свечу, которую обнимала синяя шелковая ленточка. Руки потянулись к ней, развязали и положили в карман походной куртки. Я не понимала, зачем мне на Байкале эта ленточка, и просто доверилась импульсу тела. К своему удивлению, в карманах я обнаружила стики со специями, оставшиеся от осенней поездки на Домбай: соль, сахар, сливки. Решила оставить и их – в дороге лишними не будут.

Но 3 марта мы никуда не улетели. Не на шутку разыгралась снежная буря; аэропорты от Краснодара до Иркутска самолеты не принимали. На протяжении двух суток каждые три часа приходило оповещение о переносе рейса. Лиза позвонила обеспокоенная:

– Елена, в группе смятение. Часть девочек ждут открытия рейса в аэропорту. На полу спят, представляете? Думают отказаться от поездки.

– Байкал не пускает.

– Что?

– Собралась группа разношерстных людей. Не все готовы к встрече с Байкалом.

Лиза скептически хмыкнула:

– Может быть.

Тем временем в чате группы шли горячие дебаты. Большинство выступало за замену Байкала на Домбай. Но мне необходимо было попасть именно на Байкал. Я написала:

– Девочки, давайте немного потерпим. Я чувствую, что скоро распогодится. Зимний Байкал – настоящее чудо, и когда еще представится шанс увидеть его?

Группа разделилась: одни со мной согласились, другие отказались от поездки. Небеса открылись на третьи сутки, когда отсеялись те, кто еще не созрел для встречи с Байкалом.

Трехсуточное ожидание на чемоданах и два перелета были изматывающими. Но, увидев ледяную, словно хрустальную, сказку – Байкал, скованный сверкающим льдом и окруженный горами, – я испытала неопиcуемый детский восторг и прилив сил. Пришло осознание, что я вернулась домой.

На остров Ольхон нас везли на уазиках, так называемых буханках, по ледяной переправе. Незабываемые и волнительные ощущения: мы ехали не спеша по льду, выглядящему хрупким и стеклянным. Мимо проплывали скалы, украшенные наплесками – волнами, застывшими в виде причудливых сосулек. Казалось, что бескрайнее ледяное полотно переходило в небеса. От восхищения пробирала дрожь.

Наш гид Алена, стройная молодая женщина, была шаманкой. Она говорила:

– Байкал не терпит спешки и суеты. Отнеситесь к этому сакральному месту с открытым сердцем, должным почтением и уважением. Байкал живой, и общаться с ним следует на языке тишины и чистых помыслов, поэтому настройтесь на молчаливое созерцание. Здесь сплелись воедино природа и духовность. Постарайтесь не только увидеть его красоту, но и почувствовать его душу. И, возможно, Святое море откроет вам одну из своих многочисленных тайн.

Нас разместили в лучшем отеле на Ольхоне. Всё было очень скромно, но чисто и душевно. Деревянные домики стояли на самом берегу легендарного озера.

Увидев ров с водой, окружающий гостиницу, я удивилась:

– Зачем он?

Алена объяснила:

– Защита от волков.

Все испуганно ахнули.

– Да, на Байкале водятся волки. Не бойтесь, вы всегда будете с проводниками. Сейчас устраивайтесь, отдыхайте, а завтра начнем экскурсионную программу.

Распаковав вещи, я собиралась принять душ. Но в номер вбежала моя соседка по комнате Иоланта:

– Татьяна и Наташа предложили попариться в бане в соседнем отеле. Ты как?

– Я только за!

– Отлично! Можно и массаж заказать. Советуют молодого банщика Марка. Говорят, настоящий мастер релакса!

Ответ из глубины

*Байкал – это глаз природы,
который смотрит на нас из глубины веков.*

Михаил Пришвин

Широкоплечий парень с янтарными раскосыми глазами оказался потомственным шаманом. Во время массажа мы разговорились. Я сразу почувствовала его высокие вибрации и потому доверилась, рассказала свой сон. Марк ответил:

– Тебе снилась гора Шаманка на мысе Бурхан. Она позвала тебя.

– Ты думаешь?

– Я уверен. Тем более что орел – символ Ольхона и шаманизма. Но я советую тебе попасть на мыс именно на рассвете и в компании осознанных людей, которым ты доверяешь.

– Почему, Марк? – удивилась я.

– Понимаешь, для многих эти священные места не более, чем туристический аттракцион и декорации для эффектных селфи. Не каждый понимает и относится должным образом к особой энергетике и сакральности Байкала. Я чувствую, что ты другая.

Немного помолчав, Марк предложил:

– Если есть желание, я могу отвести тебя туда.

– Я согласна! Можно с нами пойдут две девочки? Я им доверяю.

– Да, но имейте в виду, что пойдём в четыре утра, на мыс нужно прийти до рассвета. И оденьтесь потеплее.

Ровно в четыре часа утра я, Марк, Иоланта и Наташа тронулись в путь, который освещали только звезды и полная луна. Когда завывающий ветер донес до нас протяжный вой, я вцепилась в тулуп Марка:

– Это волки?

– Не бойся, они нас не тронут.

Наш проводник достал айфон и включил медитативную музыку.

– Это шаманские бубны. Идите под их ритм и постарайтесь почувствовать через ноги мощь этих мест.

Затем парень запел шаманские мантры. Мы с девочками, словно исполняя первобытный танец, ритмично заскользили по льду. Спустя минут двадцать Марк внезапно остановился.

– Разобьемся на пары. Елена пойдет со мной. Наташа с Иолантой.

Затем он протянул Наталье повязку:

– Завяжи Иоланте глаза.

Девушки в один голос воскликнули:

– Зачем? И так темно!

– Так надо. Это практика на доверие. На доверие миру, но прежде всего – самим себе.

Я немного напряглась, поняв, что произойдет дальше. Марк, повернувшись ко мне, сказал:

– Закрой глаза.

Я опустила веки и сразу почувствовала прикосновение мягкой ткани.

– Наташа, возьми Иоланту за руку. Направляй ее.

Марк осторожно взял меня за руку.

– Доверься мне. Пошли.

Наощупь, боясь поскользнуться, я сделала первый шаг. В полной темноте, по скользкому льду, в незнакомом месте, под странные звуки бубнов. Сначала было страшно, но через несколько минут я начала привыкать. Шаг становился более уверенным, внутри разливалось спокойствие, обоняние и слух обострились. Бие-ние сердца совпадало с ритмом музыки.

Вскоре Марк попросил Иоланту и Наташу поменяться местами. Он пояснил:

– Эта практика помогает пройти через темноту своей Души и собственные страхи. И почувствовать присутствие настоящего момента.

Так и произошло. С каждой минутой я осознавала, что страх – это всего лишь иллюзия, созданная нами; а всё нужное нам присутствует в моменте – здесь и сейчас.

Примерно минут через пятнадцать бубны смолкли. Марк остановился. Он произнес:

– Сейчас снимем повязки.

Открыв глаза, я ахнула от восторга. Из-за гор поднималось огненное солнце. Его первые лучи робко скользили по хрустальному льду. От этого света внутри разливалось тепло и благодать. Впереди виднелась двухвершинная гора. Всё было в точности как в моем сне. По лицу полились слезы неопишуемого счастья.

Марк, достав компас, произнес:

– Сейчас встанем по четырем сторонам света, возьмем за руки, чтобы поблагодарить Байкал. Каждый делает это молча, своими словами, как чувствует.

Мысленно я произнесла: «Дорогой Байкал, благодарю тебя за возможность побывать у тебя в гостях. За красоту этого рассвета и за новый прекрасный день».

Далее проводник сказал:

– А теперь мы должны лечь на лед на живот, раскинув руки в стороны. Слушайте внимательно, смотрите вглубь озера и старайтесь почувствовать его сердцем.

Я легла на лед, прикоснувшись к нему грудью. Он был настолько кристально чистым, что рассветные лучи легко проникали вглубь. Под толщей прозрачного льда плавали растения и рыбки. Но больше всего меня изумили застывшие во льду метановые пузыри, напоминавшие россыпи белого жемчуга. Я воскликнула:

– Байкал действительно живой! Там жизнь!

Лед был холодным, но в груди разливалось тепло. Я мысленно произнесла: *Байкал, пожалуйста, прими меня. Прими со всеми моими прегрешениями. Прошу, исцели меня, помоги мне познать себя и свою суть.*

Я вглядывалась в бездонную глубину Байкала, но, казалось, смотрела вглубь себя. Или это дух святого озера смотрел на меня?

Байкал, пожалуйста, дай мне ответ на мои внутренние поиски. Так ли я все делаю? На верном ли я пути? Я приму твой ответ с любовью и благодарностью.

Вдруг я почувствовала толчок. Следом послышался громкий треск, напоминавший раскаты грома. Испуганные девчонки вскочили:

– Лед трещит! Спасайтесь!

Меня же охватило ощущение всеобъемлющей радости, умиротворения и спокойствия.

Благодарю, Байкал, ты дал мне положительный ответ. Ты признал и принял меня.

Тем временем Марк успокаивал перепуганных девчонок:

– Спокойно. Так дышит зимний Байкал. Мы сейчас пойдем к Шаманке. Разговаривать там можно только полупшепотом. Рядом с ней стоят сэргэ – тринадцать ритуальных столбов. Они символизируют спустившихся на Землю сыновей небесных богов. Имейте в виду, без разрешения там ничего брать нельзя: ни камешков, ни шишек. Выберите один из столбов, мысленно озвучьте прошение, затем завяжите ленточку и сделайте подношение духам. Это могут быть молоко, сахар, соль.

Я растерялась:

– А где их взять?

Шаман с досады хлопнул себя по лбу:

– Я забыл предупредить вас. Можете положить монетку.

Я начала шарить по карманам и с изумлением обнаружила синюю ленточку и стики со специями и сливками.

– У меня, оказывается, всё нужное есть! И даже ленточка! – Я чуть не заплакала от радости и сама себе удивлялась: мое тело знало, что мне все это пригодится.

– Синий цвет символизирует вечное синее небо, гармонию и спокойствие. Он подходит для любых просьб. Завяжи ленту так, чтобы концы свободно парили. Считается, что, когда ветер колышет ленточки, слова молитвы доносятся до небес.

Дар Байкала

Сделав подношение, я три раза обошла все тринадцать сэргэ. Затем, преисполненная благодарности, подошла к обрыву. Всё вокруг было залито золотым светом утреннего солнца; лед задорно искрился. Ветер словно напевал красивые шаманские песни: «Все хорошо. Ты дома».

Я ненадолго прикрыла глаза. Открыв их, я увидела у своих ног белоголового орла, красного волка и огненную лисицу.

Почудилось? Нет, не почудилось, внутренний голос прошептал: *это посланцы духа Байкала*. В клюве орла сиял кристалл фиолетового цвета. Птица, наклонившись, выпустила его, камешек подкатился к моим ногам.

Посмотрев на Святое море, я прошептала:

– Дух Байкала, могу ли я взять твой дар в качестве помощника и целителя?

В ответ я почувствовала разливающееся в груди тепло. Я подняла кристалл и тут же услышала внутренний голос: «Это лазурит. Он исцеляет и очищает от негатива».

Тем временем орел взмыл в небеса, а волк и лисица пошли в сторону Шаманки. Иногда они оборачивались, словно приглашали за собой. Мои проводники остановились у входа в пещеру и исчезли. Я знала, что входить туда можно только шаманам, но почувствовала, что мне разрешили.

Внутри было темно, даже солнечный свет не решался проникнуть в пещеру. Сделав пару шагов, я остановилась, поняла, что дальше мне идти нельзя, – далее был портал в другое измерение.

Прислонившись к стене, я присела, закрыла глаза и увидела, что меня окружают улыбающиеся старцы из моих осознанных сновидений. Почти сразу верхние чакры и шишковидная железа «загорелись», запульсировали; тело завибрировало – по нему словно проходили разряды электрического тока.

Этот рассветный час навсегда изменил меня. Я поняла, что ради этого момента, раскрывшего и активировавшего мою внутреннюю силу, я и приехала на Байкал.

Спустившись к ребятам, я показала Марку кристалл. Он сказал:

- Это лазурит, камень Будды.
- Ты говорил, что нельзя здесь брать камни.
- Тебе разрешили.

Трещина

В тот же вечер мы с группой пошли фотографировать звездное небо. Выяснилось, что фонарик был только у меня. Я светила им перед собой и вела за собой группу.

– Лена, ты как проводник, как Данко, несущий свет,
– воскликнула Иоланта.

Я ответила:

– В каждом из нас есть свет.

Нигде нет такого волшебного неба, как на Байкале. Мириады мерцающих звезд висели так низко, что, казалось, до них можно дотянуться рукой; их свет проникал в самое сердце.

Я подумала: *где-то там, в глубинах Млечного Пути, моя звездная семья... Пожалуйста, покажите мне знак, если слышите меня.*

Но опять прозвучал голос Иоланты. На этот раз она говорила тихо, почти полупшепотом:

– Лена, хочу кое-что тебе сказать. Но не знаю, стоит ли...

В тот момент мне хотелось побыть наедине со звездами, но я нехотя ответила:

– Ну говори, раз начала.

– Будь осторожна с девочками. Особенно с Элей. Она постоянно злословит в твой адрес: что ты бездарь и несокомерная пустышка.

Я усмехнулась:

– Думаешь, я не знаю об этих разговорах и не вижу их кривых взглядов?

– И ты так спокойно об этом говоришь? Тебя что, пересуды за твоей спиной не задевают?

– Мне важно, что я думаю о себе. Самый строгий судья для человека – он сам. И знаешь, мне искренне жаль людей, которые тратят свою жизнь на сплетни и зависть, особенно здесь, на Байкале.

На следующий день Алена повезла нас смотреть на ледовые торосы – куски льдин, сталкивающихся между собой, поднимающихся на дыбы и замерзающих в таком положении. Торосы образовывали причудливые ледяные пирамиды высотой до метра и более. Все, очарованные этой красотой, бросились фотографироваться. Гид предупредила:

– Будьте осторожны, здесь проходит трещина. Ближе к ней не подходите, это опасно.

Но Эля ради эффектного кадра решила рискнуть. Она подошла к трещине и, недолго думая, перешагнула ее. Одна ее нога стояла по одну сторону разлома, вторая – по другую. Девушка, пританцовывая, позировала фотографу.

Я разглядывала торосы, когда послышался всплеск воды и слабый вскрик. Обернувшись, я увидела провалившуюся в трещину Элю, изо всех сил вцепившуюся в лед. Рванув к ней, я закричала:

– Сюда! Помогите!

Я легла на лед и, осторожно приблизившись к охваченной страхом девушке, схватила ее за капюшон:

– Держись!

Через пару минут шокированная и насквозь промокшая Эля лежала на льдине. Гид дрожала от страха:

– Куда ты полезла? Я же предупреждала!

Я остановила Алену:

– Всё потом. Сейчас срочно вызывайте буханку, нужно возвращаться в отель.

В уазике я скомандовала:

– Девочки, снимайте кофты, сейчас Элю разденем, разотрем водкой и переоденем в сухую одежду.

Иоланта удивилась:

– Откуда ты всё это знаешь?

– У отца научилась. Когда мы ходили на Эльбрус, папа спасал замерзших альпинистов.

Мы растерли и напоили Элю местной водкой, затем переодели в сухую одежду.

В отеле я дала девушке свою дубленку, шерстяные носки, ботинки и шапку с перчатками:

– Не зря, значит, взяла запасные вещи. И размер у нас одинаковый.

Эля начала приходить в себя:

– Лена... Лена... я так тебе благодарна. Я же могла... если бы не ты... – она разрыдалась.

– Успокойся, всё позади.

Спустя пару лет мы с Элей случайно встретились на выставке. Она была рада меня видеть и искренне благодарила:

– Ты знаешь, тот случай изменил меня и мою жизнь. Я выучилась на психолога, развелась с мужем-абьюзером.

– Рада за тебя.

Внезапно девушка стыдливо опустила глаза:

– Лена, прости меня.

– За что?

– Я же плохо отзывалась о тебе, всем говорила, что ты высокомерная выскочка. А ты совсем не такая. Наверное, я попросту завидовала. Прости.

– Эля, всё хорошо, не переживай.

Ступа Просветления

В один из дней нас привезли на остров Огой, на котором стоит восьмиметровая буддистская ступа Просветления – место духовного паломничества. Алена рассказывала:

– Она олицетворяет единство сил природы. Каждый ее элемент: основание, три ступени, купол и шпиль символизируют стихии: землю, воду, огонь и воздух. В ступу вложены буддистские старинные манускрипты и реликвии, в том числе мощи святых; земля из Иерусалима, Иордании, Египта, из православных мест севера России и Подмосковья; драгоценные камни и минералы со всего мира и различные травы.

Ступу следует обойти три раза, вытянув руки в стороны и обратив ладони к небу. Первый круг проходят с просьбами о прощении – мысленно просят прощения у всех, кого обидели. Второй – с благодарностью, благодарят за то, что имеют. Третий – с мыслями о желанном, загадывают сокровенное, но нематериальное.

Как только я, совершив обряд, оставила подношения в виде сладостей, передо мной словно кинолентой пронеслись фрагменты моего жизненного пути, сопровождающиеся вспышками осознаний. Я словно прозрела: выпавшие на мою долю невзгоды и страдания – это проявление милости и любви Всевышнего ко мне.

***Именно благодаря испытаниям мы быстрее
взрослеем духовно и учимся главному – любить.***

Я осознала, что быть женщиной – великое благо. Быть красивой, счастливой, открытой, но независимой от чужого мнения – не стыдно.

Глядя на ступу Просветления, к которой приходили и буддисты, и православные, и мусульмане, я думала о том, что Бог един, а буддизм, христианство и ислам – это крупницы Единого.

И главное не то, какие произносишь молитвы и совершаешь обряды, а что носишь в сердце и насколько чисты твои помыслы.

Николай Рерих считал Байкал центром, где происходит слияние энергопотоков нашей планеты и космоса. Я их почувствовала на себе. Благодаря этой поездке я всё чаще стала испытывать внезапные вспышки озарений, состояние внутреннего безмолвия и тихой радости.

Глава 9

Приносящая счастье

Эльбрус, 2024 год

– Воздух-то какой! Пить можно. Лена, как хорошо, что ты привезла нас на Эльбрус. – Мама никак не могла нарадоваться нашей спонтанной поездке.

– Так захотелось вас с папой отблагодарить! Я всегда с таким теплом вспоминаю наши походы в горы!

Отец обнял меня:

– Спасибо, дочка. Только жаль, что Эльбруса из-за снегопада не разглядишь.

Но стоило нам подняться к руинам легендарной гостиницы «Приют одиннадцати», как внезапно распогодилось и Эльбрус открылся во всей красе. В лучах мартовского солнца две снежные вершины отливали серебром.

– Вот повезло! – удивлялся папа. – Обычно в это время Эльбрус прячется в дымке или за снежными облаками.

Я улыбнулась:

– Он нас принимает. Это хороший знак.

Осматривая руины, Кирилл спросил:

– Дедушка, что произошло с приютом?

– Сгорел по нелепой случайности, по неосторожности остановившихся в ней альпинистов. Этот пожар вошел в историю как самый высокогорный на планете.

Переведя взгляд на сверкающие скошенные пики Эльбруса, отец сказал:

– Кирилл, ты знаешь, что это спящий древний вулкан?

Сын кивнул:

– Еще я читал, что именно к его скалам был прикован Прометей, укравший у олимпийских богов огонь для людей. А на одной из вершин молился Тамерлан, Железный хромец.

Мы провели на Эльбрусе и в его предгорье пару дней. В горах погода меняется быстро, но всё это время Великая гора была к нам благосклонна.

Всматриваясь в словно сияющие изнутри вершины Эльбруса, я ловила себя на том, что постоянно улыбаюсь. Я словно мысленно вернулась в дни беззаботного детства. Со слезами счастья на глазах не переставала благодарить Бога за то, что снова оказалась здесь с самыми близкими мне людьми и гора нас приняла. Наблюдая за парящими в небесах орлами, я чувствовала, как душа мечтает о полете, и просила Всевышнего помочь мне достичь новых высот в жизни и карьере.

– Эльбрус нас принимает. – Незнакомый голос прозвучал так неожиданно, что я вздрогнула.

Я обернулась. Рядом со мной стоял приземистый человек в нелепом помятом костюме зеленого цвета, напоминавшем старинный камзол. Из-под вязаной полосатой шапки-колпака, как у гномов, выбивались непокорные соломенные пряди.

Откуда он взялся? Из-под земли? Я готова была поклясться, что минуту назад его здесь не было.

– Что вы сказали? – озадаченно спросила я. Меня поразило, что мужчина произнес фразу, созвучную с моими мыслями.

– Эльбрус нас принимает. – Незнакомец улыбнулся детской непосредственной улыбкой. – А если гора тебя принимает, можно загадывать желание. У вас есть желание?

Мужчина смотрел на меня таким глубоким взглядом, что казалось, он видит меня насквозь. Он произнес:

– Полет...

– Что?

– Полет души.

Он читает мои мысли? Кто он?

«Гном» улыбнулся:

– А ведь у Эльбруса не менее сотни имен. Его называют и вечной горой, и сверкающей, и белой, и горой, приносящей счастье.

– Гора, приносящая счастье! Как красиво! – восхитилась я.

– Присмотритесь к ее вершинам. Что они вам напоминают?

Переведя взгляд на ослепительные пики двуглавой горы, я ответила:

– Мне всегда казалось, что это пирамиды.

– Так и есть. Это две энергетические пирамиды.

Затем незнакомец, внимательно посмотрев на меня, задумчиво сказал:

– Ваш путь к Гималайским вершинам, к высотам духа, начался на Байкале, а продолжается здесь. Ваша душа скучает по Гималаям.

Я удивленно уставилась на мужчину:

– Кто вы?

Тут меня окликнул Кирилл:

– Мама, иди к нам.

Я отвернулась от незнакомца на доли секунды, чтобы ответить сыну, но, когда снова повернулась, его уже не было. На том месте, где он стоял, сверкал черный обсидиан.

Счастливая неизвестность

Прошло шесть месяцев.

Андрей смотрел на меня широко улыбаясь. Смуглое лицо, открытый располагающий взгляд, искры озорства в глазах.

– Елена, чай любит внимание, теплое общение и не терпит спешки, суеты.

Сделав маленький глоток из ритуальной пиалы, я почувствовала, как блаженное тепло разливается по телу.

– Андрей, это волшебство.

Мужчина засмеялся:

– Волшебство – это синоним чайной церемонии.

С Андреем, владельцем чайной компании, мы были знакомы всего пару недель, и с первых дней общение было легким и непринужденным.

– Это особенный чай. Непальский, собранный на склонах Гималаев.

От неожиданности я чуть не поперхнулась.

– Что? Непальский? В Гималаях? – Мое сердце забилось от волнения. Вспомнились слова странного «гнома»: «Ваша душа скучает по Гималаям».

Андрей ответил:

– Да. Ты была там?

Я отрицательно замотала головой.

– Так поехали с нами! – воскликнул он. – Мы через месяц, в начале октября, летим туда. Вип-тур с проводником. Медитации, духовные практики.

– Андрей, ты хорошо знаешь этого проводника? Ты же понимаешь, очень важно, кто ведет тебя по святым местам.

– Очень хорошо знаю! Это мой гуру. Я скину программу, посмотришь и решишь.

Через месяц мы снова встретились с Андреем, но уже в Шереметьево. Группа из тридцати человек собралась в гудящем, как улей, аэропорту. Я знала только Андрея и Алену, пышную брюнетку из Краснодара. Организатор тура Игорь, проверив всех по списку, доброжелательно улыбнулся:

– Поздравляю! Путешествие начинается! Регистрацию на рейс уже объявили, пойдете за мной!

Я уже получила посадочный на рейс Москва – Дели, когда услышала взволнованный возглас белокурой девушки из нашей группы:

– Игорь, помогите! Меня не регистрируют на рейс!

Как выяснилось, у нее и еще у одной блондинки имена в паспорте и билете не совпадали.

Дождавшись, когда вся группа зарегистрируется, Игорь объявил:

– Я остаюсь с девушками. Мне нужно помочь им решить вопрос с билетами.

– Как? – Лица многих людей вытянулись. – А как же мы?

– В Катманду вас встретит Сергей, проводник.

– Но еще пересадка в Дели! – слышались возмущенные голоса.

– Разберетесь, в аэропорту в Дели сориентироваться не сложно, обычная схема. Ребята, кому я могу доверить группу? – Игорь обвел собравшихся взглядом, все ответили глаза, кроме меня и одного мужчины. – Александр, Елена, пожалуйста, если кому-то нужна будет помощь, помогите им. Я буду на связи. – Он протянул мужчине список группы.

Игорь довел нас до паспортного контроля, пожелал легкой дороги и, помахав нам рукой, исчез с расстроенными блондинками в толпе.

Мои попутчики продолжали возмущаться:

– Ну как же так? У нас же вип-тур! Нас за ручку везде должны водить! За что мы деньги платим?

Я воскликнула:

– Ребята, послушайте, мы же взрослые люди, разберемся. Что мы, за границу никогда не летали? Мы же не одни, вон нас сколько! Предлагаю сфокусироваться на предстоящей встрече с Непалом. Это важная для всех нас поездка, давайте не будем омрачать ее раздражением и недовольством. Давайте относиться к этому... недоразумению, как к приключению.

– Ничего себе приключение! Нет ничего хуже неизвестности.

– Ребята, неизвестность не всегда имеет негативный оттенок. Предлагаю попробовать относиться к будущему, как к счастливой неизвестности.

– А вдруг нас не встретят в Катманду?

– Друзья, будем решать вопросы по мере их поступления. Кто желает, может остаться в Москве, но деньги за тур вряд ли вернут.

– Елена права, – поддержал меня Александр. – Не будем вешать нос. Ничего критичного не произошло, паника преждевременна.

Женщина лет шестидесяти, в бежевой чалме, была готова расплакаться:

– Вам легко говорить! А я ни слова по-английски не знаю.

– Держитесь нас с Александром, мы подскажем. Не переживайте, – успокоила я ее.

Волею случая мы с Александром стали проводниками растерявшихся и расстроенных людей. Взглянув на него, я усмехнулась:

– Как сказал Игорь? «Поздравляю! Путешествие начинается!» Что ж, поздравляю, Александр! Приключения начинаются! Похоже, незабываемая будет поездка.

Говоря эти слова, я даже не подозревала, насколько окажусь права.

Портал

*Счастье никогда не придет к тем,
кто не в состоянии ценить то, что у них уже есть.*

Будда

До Нью-Дели мы летели пять часов. Оттуда вечерним рейсом должны были улететь в Непал. Но не сложилось – мест в самолете на всех не хватило. Нашу группу разделили на две части: одна улетела, вторую

пообещали отправить на следующий день. Мы с Аленой и Ириной Ивановной, женщиной в чалме, оказались среди застрывших в Дели.

Мои сестры по несчастью стонали:

– Почти сутки сидеть в аэропорту? Ну надо же, как «повезло». Почему не нас отправили этим рейсом?

– Ребята, в дороге всякое бывает. Живы, здоровы – и хорошо, – успокаивала я всех.

– Лена, я тебе удивляюсь! Ты всегда такая спокойная? – сокрушалась Алена.

– Если Бог что-то тебе посылает, следует просто довериться Ему. Тебя не оставят, помогут, и всё сложится наилучшим образом. Излишняя суета и пустое сотрясение воздуха – это никчемная трата сил. Недовольство и пыхтение делу не помогут. Давайте лучше подумаем, какую пользу мы можем извлечь из этой ситуации?

– Ты что, смеешься? Какую еще пользу? – заламывала руки, простонала брюнетка.

– Мы можем выйти в город. Прогуляться по Нью-Дели. Кто со мной?

Народ немного оживился:

– Точно. Мы с тобой.

Выйдя из здания аэропорта, мы направились на стоянку такси. На наших ошарашенных глазах водители бросали куртки в тень автомобилей и ложились спать. Вокруг них в облаках пыли устраивались бродячие собаки. Для нас это был культурный шок, а для индусов – норма повседневности.

Индийская столица встретила нас изматывающими зноем и влажностью, пеленой пыли и какофонией режущих слух звуков. В небе висело нещадно палящее оранжево-красное солнце.

Изнуренные пеклом Алена и дама в чалме плелись за мной и беспрестанно ныли:

– Ну что за жара! И зачем мы поехали!

– Девочки, дорогие, вы посмотрите, в каких условиях живут некоторые индусы. В нищете, впроголодь, в пыли и лохмотьях. И они улыбаются! А вы живете в прекрасных, тепличных условиях, можете себе позволить путешествия в любую точку мира, качественную еду и одежду, но постоянно ноете. Мне тоже жарко, и одежда насквозь промокла от влажности, но зато мы увидели Дели, и это лишний повод поблагодарить Всевышнего за то, что у нас есть.

Вернувшись в аэропорт, мы устроились в зале ожидания. Металлические кресла были на редкость неудобными, повсюду гулял сквозняк. Антисанитария везде, особенно в туалете, была ужасная. Еду и воду в аэропорту покупать я не решалась. Хорошо, что у меня с собой были семена гвоздики и вместительная кружка-термос.

Еще дома я налила в него кипяток с лимоном и всю дорогу пила горячую воду. Когда она заканчивалась, я просила кипяток в кафе аэропортов и добавляла в него три гвоздики. Эта специя служит профилактикой паразитов, обеззараживает воду и кишечник.

– Лена, и как ты можешь пить такую горячую воду? – косилась Алена на пар, поднимавшийся над моей кружкой. – И так жарко.

– В жару надо пить именно горячую воду, она помогает держать организм в балансе, особенно при сильной влажности.

Но девушка, скептически на меня поглядывая, потягивала охлажденную кока-колу. Вскоре ее голос начал хрипеть, и она смотрела на меня уже по-другому.

Глядя на «реки» снующих туда-сюда людей, я думала, что аэропорт – своего рода портал. Еще утром мы прощались с осенней Москвой; через несколько часов оказались под палящим солнцем в Южной Азии; и завтра, Бог даст, увидим Непал.

Мои размышления прервал отчаянный вскрик Алены. Вытаращив глаза, она тыкала мне в нос свой айфон и бормотала осипшим голосом:

– Смотри! Оказывается, мы полетим авиаиниями, которые разбиваются каждую неделю. И аэропорт в Катманду – один из самых опасных в мире из-за непредсказуемости погоды.

Ирина Ивановна и еще пара человек, которые слышали стенания девушки, вжавшись в кресла, задрожали. Я твердо сказала:

– Так! Алена, прекрати панику! Не пугай народ! На автомобильных дорогах чаще аварии происходят, чем в небе. Ты же от машины не отказываешься. С таким настроением опасности будут подстергать за каждым углом.

– Но как не думать об этом, если прочитала?

– Останови бег мыслей. Переключись на другое, позитивное. Помолись, помедитируй. Вариантов множество. Зачем читать новости об авариях? Ты же таким образом привлекаешь их в свою жизнь. Фокусируйся на том, что действительно хочешь притянуть.

Дама в чалме воспрянула духом:

– Леночка, как же хорошо, что вы с нами! Не знаю, что бы мы без вас делали. Вы всегда всё объясните, успокоите, поддержите.

– Благодарю, Ирина Ивановна. Всегда рада помочь.

Препятствия и испытания на пути к Гималаям проявили страхи и слабости моих попутчиков. Наблюдая за ними, я видела себя в прошлом, когда тоже легко могла поддаться панике и страху, поэтому к их поведению относилась с пониманием.

Ночь мы провели на неудобных креслах и чемоданах. Было тяжело, но я относилась к этому как к проверке на прочность на пути к святым местам.

Утром к нам присоединился Игорь с незадачливыми блондинками. Все вместе мы вылетели в Катманду.

Между небом и землей

Долетели мы благополучно. Поели в самолете, и даже немного удалось вздремнуть. Выйдя в зал аэропорта Катманду, я вдохнула запах благородных благовоний и почувствовала, как внутри разливается тепло. Было ощущение, что я вернулась домой. Сотрудники аэропорта встречали нас радушно, словно близких родственников.

Пройдя паспортный контроль, мы наконец воссоединились с группой и гидом-проводником Сергеем. Крепкий мужчина с русыми кудрявыми волосами встретил нас с улыбкой и словами приветствия:

– Добро пожаловать на священную Гималайскую землю! Наслышан про ваши приключения. Но с этой минуты всё будет замечательно, я гарантирую. Сейчас мы сядем в автобус и проведем небольшую обзорную экскурсию по Катманду – столице Непала. Кстати, его называют страной между небом и землей. Затем мы

поедем на окраину города к гигантской ступе Боднатх. Обещаю, вашу усталость как рукой снимет.

Мы сели в автобус. Алена плюхнулась рядом со мной. Впереди нас устроилась Ирина Ивановна, сзади – Александр с супругой. Сергей рассказывал:

– Ступа Боднатх – буддийский храмовый комплекс, украшенный молитвенными флажками. Он представляет собой трехуровневую пространственную мандалу, каждый элемент которой символизирует одну из стихий: землю, огонь, воду и воздух. Построена она в соответствии с правилом «Золотого сечения».

На куполе ступы с четырех сторон вы увидите всевидящие «глаза Будды». Они олицетворяют пробуждение сознания, а третий глаз – внутреннее духовное зрение. Вокруг ступы расположились десятки монастырей разных направлений и сувенирные лавки. Эта площадь может быть вам знакома по фильму Бернардо Бертолуччи «Маленький Будда».

Речь Сергея была грамотной, интересной, голос мягким, словно обволакивающим, но в интонациях проскальзывала наигранность, а улыбка казалась натянутой. Я сразу почувствовала, что его вибрации не дотягивают даже до пятой чакры – для духовного проводника это низкий уровень.

Тем временем Алена восторженно щебетала:

– Как он красиво и умно говорит! Заслушаешься!

Александр тихо ответил:

– Так-то оно так, но он, мягко говоря, слабоват для проводника по сакральным местам.

Я обернулась:

– Александр, вы озвучили мои мысли.

– Елена, будем сами себе проводниками.

– Поддерживаю, я уже приняла такое решение.

Тем временем мы подъехали к площади Ступы Боднатх. По периметру ступы на первом ярусе мандалы установлено сто восемь молитвенных барабанов, на поверхность которых нанесены буддистские символы и письма. Крутя барабаны и читая мантры, я совершила три ритуальных обхода (кóру) вокруг ступы. Делается кóра по часовой стрелке, и считается, что это очищает карму человека, ему прощаются все грехи.

Вокруг ступы разместилось множество монастырей, но меня потянуло в один из них, отличавшийся сложной деревянной резьбой. В воздухе разливался звон сотен колокольчиков, а на душе – благодать. Погуляв по территории храма, я решила заглянуть в магазинчик, мне захотелось приобрести что-то памятное. Я вошла, и взгляд сразу упал на икону, вышитую по шелку. На ней была изображена красивая молодая богиня, словно парящая на троне в виде распустившегося лотоса.

– Кто это? – спросила я у продавца.

– О! Это Зеленая Тара! Одно из самых любимых божеств в тибетском буддизме. Она считается женским проявлением Будды, богиней-матерью, всепрощающей и дарующей любовь, защиту и благословение.

Я взяла икону в руки и уже не могла с ней расстаться.

Выйдя из монастыря, я пошла на смотровую площадку, с которой открывался захватывающий вид на пестрый, гудящий, похожий на огромный торговый рынок Катманду. Через толпы людей по тесным улицам протискивались тарахтящие мотоциклы и гужевые повозки, создавая хаотичное броуновское движение.

Рядом со мной остановилась группа монахов в оранжевых одеждах. Они смеялись словно дети, в их глазах отражалось яркое непальское солнце.

В голове быстрой змейкой промелькнула мысль: *вот бы побеседовать с монахом! О жизни. О Боге. О счастье.*

Мои мысли прервал мелодичный голос. Он принадлежал стройной женщине, поздоровавшейся со мной. Копну ее рыжих волос, перехваченных шелковой зеленой лентой, золотили озорные солнечные лучи. На плечи был накинут кашемировый палантин песочного цвета. Мы разговорились. Женщина представилась Аллой.

– Вы знаете, Елена, я переводчик и живу в Непале уже много лет и так люблю приходить сюда! Здесь хорошо видно, что Катманду словно муравейник. Беспорядочный и шумный, но живой, колоритный и неповторимый.

Я кивнула :

– Как вы точно описали. Я тоже поймала себя на подобных мыслях.

– Всегда с нетерпением жду наступления сумерек, когда торговля закончится и в алтарях зажгутся свечи. Вам надо это увидеть. Знаете, я долго привыкала к местным условиям жизни, пыли, нищим и подчас невыносимой жаре. Но спустя годы я не хочу уезжать отсюда. Непал, Гималаи – это мой дом.

От этих слов моя душа затрепетала. Алла продолжала:

– Шесть лет я прожила в двух непальских монастырях и знакома со многими монахами и садху. Не с ряжеными, которые охотно фотографируются с туристами за деньги, а с истинными. Общение с ними полностью

меняет мышление и отношение к жизни. Да и время здесь течет по-другому.

– Да, я тоже это почувствовала. Оно то ускоряется, то замедляется, то вовсе замирает и словно исчезает.

– Так и есть. Елена, вы заметили, как быстро тут исполняются желания? Иногда достаточно только подумать. Вот какое у вас желание?

– Перед тем как вы ко мне обратились, я подумала, что было бы здорово побеседовать с буддийским монахом по душам.

Алла улыбнулась:

– Считайте, что ваше желание почти сбылось.

– Как? – изумленно воскликнула я. – Алла, вы буддийский монах?

Женщина звонко рассмеялась:

– Не я. Сегодня прилетает мой наставник – лекарь и ученик далай-ламы. Я могу договориться об аудиенции для вас на завтра.

Я не могла поверить:

– Это невероятно! Конечно, я согласна!

– Я же говорю, желания здесь сбываются практически молниеносно.

Аудиенция состоялась в закрытом монастыре, затерявшемся в живописных джунглях. Увидев его, я почувствовала, как сердце заколотилось от волнения. Монахи проводили нас с Аллой в один из храмов. Увидев его стены, украшенные искусной росписью, я остолбенела. Всё мне казалось знакомым, до мельчайших деталей.

В памяти всплыли давно забытые слова моего наставника Аркадия Ивановича, сказанные более двадцати лет назад: «Елена, в одной из прошлых жизней ты

была монахом и занималась росписью стен в гималайском монастыре».

– Ты была здесь раньше? – Слова прозвучали так неожиданно, что я чуть не подскочила. Передо мной стоял невысокий, но крепкий человек с задорными глазами и серебристой проседью на висках.

Алла представила меня своему наставнику. Она переводила, но, казалось, мы с ним понимали друг друга без слов.

– Ты была здесь раньше. – Наставник повторил фразу, но она уже звучала не вопросом, а утверждением. – Ты была монахом. Служила в этом монастыре в седьмом веке. Расписывала стены.

Ошеломленная, я произнесла:

– Я узнаю этот монастырь. Узнаю эти росписи.

Мы проговорили около двух часов, и я никогда не забуду этот разговор.

Зеленая Тара

Это была очень насыщенная впечатлениями поездка. Я вставала до рассвета, когда еще только зарождалось дыхание утра, чтобы успеть до экскурсии позаниматься цигун и помедитировать. С каждым днем ко мне присоединялось всё больше людей из нашей группы, желающих попрактиковать.

Однажды утром я шла на завтрак, когда меня остановила женщина, одетая в элегантное темно-синее сари с золотой вышивкой. Тепло улыбнувшись, она сложила руки в традиционном приветствии:

– Намасте!

– Намасте! – улыбнулась я.

Женщина заговорила на незнакомом мне языке.

– Do you speak English?¹ – спросила я.

Черные как смоль брови кареглазой незнакомки медленно поползли вверх. Затем она с легкостью перешла на английский:

– Я сильно удивлена, что ты иностранка. Я приняла тебя за непалку.

Я засмеялась:

– Неужели я похожа на местных женщин?

– Ты похожа на Зеленую Тару. Такая же красивая и хрупкая, но сильная. Именно поэтому я подошла к тебе. Ощущение, что ты здесь уже была. В прошлой жизни жила здесь: в Непале или на Тибете.

От изумления я не могла вымолвить ни слова. Женщина взяла меня за руку:

– Меня зовут Самара. Пожалуйста, пойдем со мной. Сегодня как раз день Зеленой Тары, мы с сестрами собираемся провести церемонию, посвященную ей. Эта практика на раскрытие в себе истинной женщины; на открытие сердца и любви к себе и ко всему миру. Пойдем, это ненадолго, успеешь позавтракать.

Я не смогла отказать Самаре. Она провела меня в небольшую комнату, наполненную ароматом терпких благовоний. В центре помещения стоял алтарь, украшенный яркими экзотическими цветами. Собравшиеся женщины радостно поприветствовали меня.

Во время необычайно красивого обряда, сопровождавшегося пением мантр, Самара посвящала меня в его тонкости. В конце церемонии она подарила мне бронзовую статуэтку Зеленой Тары со словами:

¹ Ты говоришь по-английски? (англ.).

– Благословляю тебя, милая. Ты прошла инициацию. Приглашаю тебя на вечернюю церемонию, ее будешь проводить ты. И приводи подруг.

Я ахнула:

– Но как? Я не знаю всех нюансов.

– У тебя получится. Ты всё вспомнишь, у тебя эти знания в крови.

Вечером Самара помогла мне подготовиться к таинству. Вокруг мандалы Зеленой Тары мы разложили цветы и фрукты, в центре поставили статуэтку богини. Затем зажгли благовония и свечи. Самара наставляла меня:

– Прежде, чем начнешь читать мантры, попроси богиню открыть всем присутствующим сердце и помочь очиститься от всех негативных энергий и программ. Обязательно поблагодари ее.

На церемонию собрались женщины нашей группы. Я попросила их сесть вокруг алтаря, мысленно сформулировать запрос и сделать подношение богине цветами или фруктами. Самара периодически кивала, показывая, что я всё делаю верно. Закрыв глаза, я начала медленно произносить мантры. Вскоре перед внутренним взором предстала улыбающаяся Зеленая Тара. Она протягивала мне распутившийся лотос.

После обряда Самара объяснила мое видение:

– Это прекрасный опыт! Богиня благословила тебя. Лотос символизирует чистоту, мудрость и духовный рост.

Девочкам настолько понравился обряд, что они попросили проводить меня медитации утром и вечером. Забегая вперед, скажу, что все запросы присутствующих на той церемонии исполнились: одни просили о

замужестве, другие – о ребенке или самореализации. Сбылось и мое собственное намерение.

Храм Шивы

*В конце концов, самое важное в этих истинах:
насколько хорошо вы любили? Насколько полно
вы жили? Насколько легко вы отпустили?*

Будда

Большое впечатление на меня произвел Пашупатинатх – одна из важнейших индуистских святынь и главный в мире храм Шивы – царя и покровителя всех животных.

Сергей рассказывал:

– Этот старинный храмовый комплекс, основанный примерно в четвертом веке, раскинулся на двух берегах священной реки Багмати. Он включает множество храмов, соединенных между собой каскадами лестниц, которые спускаются к Багмати. У индусов чем священнее река, тем почетнее быть погребенным на ее берегу. Поэтому мы видим множество платформ для погребальных костров. Где-то уже приготовлены дрова, где-то дымится пепелище. Если кто-то из вас был в Индии, в городе Варанаси на священной реке Ганг, то вы видите, что здесь все очень похоже. Багмати, кстати, впадает в Ганг. В реке Багмати купаются паломники для ритуального очищения, там же омывают покойников, сюда же скидывают их прах после сожжения.

Когда мы проходили мимо одной из платформ с пылающими в огне останками усопшего, на тонком плане я увидела душу этого человека. Он был молод и красив. Заметив, что я вижу его, он улыбнулся и мысленно произнес: «Я свободен. Моя душа освободилась».

Тут в мою руку вцепилась Ирина Ивановна. Она дрожала:

– Леночка, как страшно. Так хочется жить. Вы боитесь смерти?

– Нет. Я знаю, что смерти нет.

Женщина вытаращила глаза:

– Как это?

– То, что принято называть смертью, – это переход души в другое измерение. Душа продолжает жить в другом состоянии.

– Откуда вы это знаете? – Голос моей собеседницы звучал скептически.

– Я всегда это знала. Вот вы говорите, что хотите жить. Но задумывались ли вы над тем, много ли жизни в нашей жизни? Замечаем ли мы жизнь, ее красоту в суете повседневности? Ценим ли мы то, что имеем? Благодарим ли за это? Не смерти бояться надо, дорогая Ирина Ивановна, а того, как мало жизни в нашей жизни. Здесь, в Гималаях, наши мысли и намерения воплощаются почти моментально. Старайтесь думать о хорошем. Всё, о чем мы думаем, в том числе чего боимся, мы привлекаем в свою жизнь.

Виток пробуждения

Превратите свою жизнь в гирлянду красивых дел.

Будда

– Как же невыразимо прекрасен мир! – Вдох невольного восхищения вырвался из моей груди. Перед нами раскинулась долина с озером, словно залитым серебром. Вдали в нежной дымке тянулась гряда гор, которые венчали сияющие заснеженными вершинами три восьмитысячника Гималаев.

– Красота-а-а-а, – протянул Александр.

– Вы знаете, у мусульман считается, что Всевышний сотворил этот мир для людей и для того, чтобы они странствовали по земле и видели Его творения. Всегда вспоминаю эти слова, когда вижу красоту мира. ***Но именно здесь, в Гималаях, я всё чаще задумываюсь о том, что красота мира проявляется не только в природе или архитектурных сооружениях, но и в человеческих мыслях и поступках. Вы согласны?***

Немного подумав, мужчина кивнул. Я продолжила:

– То есть мы сами создаем красоту или уродство в собственной жизни. Нас тянет к красоте, мы стараемся нарядно одеваться, украшаем жилища, но почти не задумываемся о красоте мыслей и поступков. Все-таки удивительное существо человек!

– Вы правы. Я даже об этом и не задумывался. – Неожиданно мужчина засмеялся. – Только ради одной этой мысли стоило несколько часов трястись по непальскому бездорожью, а затем пешком подниматься сюда.

– Пойдемте, Александр, мы отстали от группы.

Наш путь пролегал к высокогорному монастырю, одному из древнейших в Гималаях. Тропа шла через крохотную традиционную тибетскую деревушку с домиками из булыжников, словно прилепленными к склону горы, позолоченной осенними красками.

Когда мы догнали группу, Сергей показывал на крыши жилищ:

– Обратите внимание: на крышах рядами лежат заготовленные дрова – в Гималаях зимы суровые. Это одна из последних деревень в Мустанге, в которой до сих пор исповедуют Бон – добуддийскую шаманскую религию.

Казалось, мы попали в прошлое – горное селение совсем не затронула цивилизация. Завидев нас, жители деревни выбегали из домов, радостно приветствовали, приглашали на чай. Лица их были смуглыми, обветренными, но светлыми.

Мы с интересом заглянули в один из домиков. Над входом висел тотем с мандалами. Внутри было всё очень просто, но чисто. На полу лежали матрасы со свастикой – символом жизни и благополучия.

– Александр, удивительно: эти люди живут по нашим меркам в очень трудных, нищенских условиях, но глаза их светятся радостью, улыбки искренние и счастливые. Должно быть, они, дети природы, знают о смысле жизни больше, чем мы, люди из мегаполисов, обитающие в каменных джунглях и просторных муравейниках.

Один паренек, оголяя в широкой улыбке свой беззубый рот, указал нам на склон горы, находящийся напротив деревни:

– Retreat caves.

– Ретритные пещеры для медитаций, – перевела я Александру.

– Ого! Тоже хочу!

– Welcome²! – Словно из-под земли перед нами возник круглый, как колобок, человек. На его голове красовалась раскрашенная тиара, на груди висело ожерелье, за поясом торчал старинный кинжал, в руках был бубен.

– Похоже, это шаман, – шепнула я Александру.

«Колобок» просиял:

– Вам очень повезло. Сейчас самая макушка осени, и обычно в это время Гималаев не видно за туманами или снежными облаками, а сегодня погожий день.

Вдруг шаман замер. Он не отрываясь смотрел на меня. Я даже поежилась. Затем, словно очнувшись, мужчина тихо произнес:

– Ты была шаманкой, огненной женщиной, способной разжигать огонь в сердцах людей. Тебе обязательно нужно пройти обряд в «Храме священного огня». – «Колобок» показал рукой в сторону монастыря, стоящего на вершине горы.

– Мы как раз туда и идем, – задумчиво сказал Сергей, пристально посмотрев на меня.

В моей голове роем носились обрывки воспоминаний: *«твоя душа скучает по Гималаям», «ты была монахом в гималайском монастыре». А теперь еще и шаманка...*

Тропа вывела нас к деревянным воротам буддийского монастыря. Возле них стоял монах серебряного возраста. Жестом он пригласил нас войти. Затем повел к пагоде, украшенной великолепной деревянной резьбой.

² Добро пожаловать! (англ.).

Внутри храма нас ждали тишина и аромат тибетских свечей со специфическим запахом масла. Я рассматривала древние росписи на стенах, когда послышался шум воды.

– Что это? – спросила я священнослужителя.

– Подземная река. Повсюду на территории монастыря бьют источники с этой водой. Она ледяная, но обязательно умойтесь ею, она смывает весь негатив. Пойдемте в «Храм священного огня», я покажу вам огонь, бьющий из недр земли. Это уникальное место. В этом монастыре соединяются пять стихий: огонь, вода, небо, земля и воздух.

Затем старец предложил всем желающим поучаствовать в обряде очищения и активизации шестой чакры. В процессе таинства он нанес всем присутствующим знак в области третьего глаза.

– Это тилака – священный знак. Он способствует просветлению разума, гармонии и единству с Вселенной; дарует мудрость и чистоту помыслов. Я нанес ее красной сандаловой пастой, смешанной с глиной из священных рек.

Внезапно монах замолчал, вытаращившись на мой лоб. Все присутствующие тоже странно на меня поглядывали.

Да что же это такое? Почему они все так смотрят на меня?

Священнослужитель протянул мне зеркальце:

– Посмотри!

Увидев свое отражение, я ахнула. Тилака, поставленная монахом, напоминала женщину с бубном в руках, танцующую в огне. *Неужели шаман был прав, говоря обо мне, как об огненной женщине?*

После обряда монах пригласил меня прогуляться по территории храма. Мы шли мимо фигур мифических животных и многочисленных трезубцев Шивы, колоколов и ритуальных медных чаш. Старец говорил, я слушала.

– Ты похожа на Гималаи. Его снежные вершины отражают тебя, твою сущность. Его сила и мощь – это всё ты. Ступай по тропинке, ведущей к самой вершине, побудь наедине с Гималаями, и ты это почувствуешь.

Я поднялась по узкой тропе и замерла от восторга. Лучи склонившегося к закату солнца освещали снежные пики вечных, непостижимых, величественных Гималаев. Зрелище, от которого захватывало дух.

Ветер доносил запахи терпких благовоний, звуки гонга и колоколов. Но я ничего не замечала. Внутри разливалась благодатная тишина.

Находясь между небом и землей, я ощущала невероятную внутреннюю силу, поддержку своего рода и огромное желание делиться с миром этой силой и своей любовью. Было так хорошо! Это был очередной виток моего духовного пробуждения.

Я осознала, что всё есть в настоящем моменте: и любовь, и благодать, и изобилие, и радость.

Вдруг кто-то дернул меня за рукав кофты. Я обернулась. На меня смотрели несколько пар горящих детских глаз. Дети заголосили:

– Сестра! Сестра, пойдем с нами.

Они отвели меня в буддийскую деревню, где в тот день произошло несколько событий: свадьба, рождение ребенка, похороны и обряд «принятие трех драгоценностей», после которого человек считается буддистом.

И на каждом из мероприятий я была удостоена чести быть почетным гостем.

Я не переставала удивляться: на этом маленьком пятачке, затерявшемся высоко в горах, кипела жизнь. Настоящая! Местные жители всем миром провожали усопшего в последний путь и радостно встречали новую жизнь. Всевышний через этих людей показывал мне, что смерть – это часть жизни и нужно уметь ее признавать.

Жители деревни благословляли и искренне благодарили меня за честь, которую я им оказала своим присутствием. Угощением служил рис с овощами – блюдо простое, но такой вкусной еды я больше не ела нигде.

На одном из ритуалов на меня долго смотрела темноволосая женщина. Потом она исчезла на пару минут. Вернувшись, подошла ко мне и протянула красные бусы с белым кулоном-сердечком:

– Сестра, возьми этот амулет.

– О! Благодарю. Что же вам подарить? – Порывшись в рюкзаке, я достала браслет из сандала. – Примите, пожалуйста, он новый.

– Спасибо, сестра. У тебя большое щедрое сердце. Ты жила здесь много веков назад, и именно благодаря Гималаям у тебя в полной мере раскроются яснознание и яснослышание.

Белоснежка

Вечером, переполненные эмоциями и впечатлениями, мы с девочками из группы возвращались из деревни к нашему отелю. Спустившись к подножию горы, плавно переходящему в хвойный лес, мы решили передохнуть и присели на упавший ствол дерева.

– Девочки, смотрите, что там? – Я показала в глубину леса. – Мелькает что-то разноцветное. Пойдемте посмотрим.

Они недоуменно переглянулись:

– Лена, тропинка петляющая, лес незнакомый, мы можем заблудиться. Да и стемнеет скоро. Пошли лучше в отель.

Тут раздался радостный звон колокольчика. Алена взвизгнула, увидев высунувшуюся из кустов жующую корову.

– Вот кто подскажет нам путь! – обрадовалась я.

– Лена, ты шутишь? Это же корова.

– Не простая, а белая священная корова. Посмотрите, какие глаза у нее мудрые.

Я подошла к белоснежке, ласково погладила ее нос и шепнула на ухо:

– Пожалуйста, покажи нам дорогу к месту, которое привлекло мое внимание.

Замычав, та вышла на тропинку. Затем мотнув головой, побрела вглубь леса. Девчонки оторопели:

– Лена, ну ты даешь! Ты что, с животными разговариваешь?

– Немного, – засмеялась я. – Пойдемте за ней.

Вскоре наш проводник вывела нас на небольшую полянку, заросшую кустарниками с пурпурными цветами. Ирина Ивановна воскликнула:

– Девочки, смотрите, рододендроны! Те самые!

– Ух ты! Сергей говорил, что найти этот цветок – значит получить благословение. Не зря, значит, Лена и корова нас сюда завели, – радостно прощепетала Алена.

Корова, мотнув головой на прощание, пошла своей дорогой, я же – пораженная – устоялась в центр поляны, точнее, на два деревянных столба с наверху, к которым были привязаны колыхающиеся на легком ветру разноцветные ленточки. Между столбами чернело потухшее кострище.

– Ого! Какие нарядные столбики! Я по телевизору такие видела, – заверещала Алена. – Классные фотки получатся. Девчонки, сфотографируйте нас с Леной!

Я ответила:

– Это ритуальные столбы. Шаманские. На Байкале такие называют сэргэ. Можно сделать им подношение и попросить о сокровенном.

– Подношение? А что именно?

– Можно монетки, конфеты или печенье, только без оберток, чтобы не мусорить. Нужно три раза обойти столбы по часовой стрелке, затем поднести подношение к правому столбу и поблагодарить род отца, затем – к левому и поблагодарить род матери. Если сделать обряд с чистым сердцем – запустится программа исцеления родовых травм.

– Лена, откуда ты это знаешь? – удивлялись девочки.

– Какие-то знания мне передал байкальский шаман, а какие-то считаются с пространства.

В ту ночь, обновленная и абсолютно счастливая, я заснула словно младенец.

На следующий день мы встретились с Аллой в традиционном кафе в Катманду. Место было атмосферным: низенькие столики, уютные диванчики с пестрыми подушками, масляные лампы и яркие светильники, словно из восточных сказок. В латунной посуде дымились момо – непальские пельмени.

Алла оказалась замечательной слушательницей. Я доверила ей историю своей жизни. Мы вместе и всплакнули, и посмеялись от души. Женщина слушала мой рассказ с интересом, изредка изумленно вскидывая брови, произносила:

– Какая все-таки удивительная штука жизнь.

Когда я замолчала, Алла спросила:

– Елена, вы никогда не задумывались о том, чтобы написать книгу?

– Книгу?

– Да. О своей жизни.

– Вы думаете, это кому-то будет интересно?

– Вы знаете, в ваших историях столько жизни, столько искренности и любви. Этим следует делиться. Думаю, тем, для кого эти понятия не пустой звук, ваша книга будет интересна.

– Благодарю, Алла. Я подумаю. Вы правы – нужно делиться, и здесь, в Гималаях, я остро почувствовала эту потребность.

Тем временем официант принес нам дымящийся золотистый напиток. Алла пояснила:

– Это часуйма, тибетский чай. В его состав входят чай, молоко, топленое масло из молока яка и соль. Пьют горячим.

– Алла, представляете, ведь мой путь в Непал начался со случайной чайной церемонии в Краснодаре.

– А ведь ничего случайного не бывает.

Вкушая соленый напиток с привкусом гималайского ветра, я не отрываясь смотрела на фото Эвереста, висевшее на одной из стен.

– Алла, не перестаю думать о том, что совсем рядом Эверест, а я его не увижу. Увидеть Джомолунгму – мечта моего отца.

– Почему не увидите? Да хоть завтра!

– Как? – Я чуть не выронила пиалу из рук.

– Заказать частный вертолет для полета над Эверестом – не проблема. Примерно сорок минут – и вы там.

– Алла, я не могу поверить! Так не бывает!

– Еще как бывает! – Женщина мне подмигнула. – Я же говорила, почаще озвучивайте свои желания. Особенно в Гималаях.

Это был один из самых незабываемых дней моей жизни. Погода нам благоволила. Эверест, или Джомолунгма, называемый «властелином мира» и «божественной матерью Земли», открылся перед нами как на ладони. На фоне других восьмитысячников, украшенных снегами, «вершина мира» казалась черным трехгранным кристаллом, изрезанным «прожилками» сверкающих ледников.

От этого зрелища нельзя было отвести взгляд. Слезы абсолютного счастья, восторга и благодарности, не переставая, катились по моему лицу. Это был не просто полет. Это был полет души.

Мне хотелось кричать на весь мир: Папа! Папа, я исполнила твою мечту!

Я благодарила отца за то, что он с детства прививал мне любовь к горам. Благодарила Бога за то, что могу видеть и чувствовать красоту мира и жизни. Я почувствовала и «божественную мать Земли», словно прикоснулась к ней сердцем.

Глядя на «властелина мира», я вдруг осознала, что в моей жизни мне подвластно абсолютно всё. Я – властелин и творец своей жизни и могу создавать в ней всё, что захочу.

Эпилог

*Будь счастлив в этот миг.
Этот миг и есть твоя жизнь.*

Омар Хайям

Фетхие, Турция, 2025 год

Огромное пылающее солнце садилось за лесистые горы. Средиземное море, отливавшее розовым золотом, нежно качало на волнах белоснежные яхты, казавшиеся игрушечными.

Почувствовав на себе чей-то взгляд, я обернулась. На меня, тепло улыбаясь, смотрела пожилая женщина. На голове – цветастая косынка; на зеленой шелковой рубаше – жилет, украшенный тонкой орнаментальной вышивкой. Я застыла от изумления.

– Папа, смотри, как эта бабушка на нашу бабу Пашу похожа. Такие же добрые глаза и улыбка.

Отец кивнул, в его глазах заблестели слезы. Пару минут мы с незнакомкой просто стояли и смотрели друг на друга, ведя молчаливый диалог. Затем она подошла, взяла меня за руку и повела за собой.

Спустя минут десять я, родители и Кирилл с аппетитом уплетали нежнейшую долму и потрясающе вкусные лепешки с сыром в садовой беседке, увитой изумрудным виноградом.

Бабушка Памук и ее муж, крепкий веселый старик в традиционных кафтане и шароварах, суетились вокруг нас, как вокруг дорогих родственников. На столе сиял начищенными боками медный самовар, стояли тарелки с закусками и расписные пиалы с дымящимся черным чаем.

Папа не переставал удивляться:

– Садик почти как у бабы Паши, и клеенка такая же клетчатая, и самовар. И имена у них даже похожи. И чай черный наша бабушка любила.

– Кирилл, баба Паша – твоя прапрабабушка. Помнишь, я рассказывала? – пояснила я.

– Türk çayı! Türk çayı!³ – то и дело повторяла бабушка Памук.

– Надо же, «чай» по-турецки звучит как по-русски, – всплеснула руками мама.

Папа объяснил:

– «Чай» – заимствованное слово – из тюркских языков, как и «самовар», «кафтан», «халат».

Удивительно, с турецкими «родственниками» мы понимали друг друга без слов. Это было общение на уровне взглядов и чувств, когда слова не так важны.

После неожиданного и сытного ужина мы с папой неспешно прогуливались по набережной. Мама с Кириллом ушли вперед. На берегу стояли с закинутыми в море удочками рыбаки, застывшие в ожидании удачи. А может быть, золотой рыбки?

– Папа, а помнишь, мы отдыхали в Греции. Ты каждый вечер ловил рыбу с местными рыбаками. Вы еще

³ Турецкий чай! (тур.).

что-то бурно обсуждали, разговаривая на разных языках.

– Когда люди действительно хотят понять друг друга и находятся, что называется, на одной волне, они понимают друг друга даже без слов.

– Да, как сегодня с бабушкой Памук. Но знаешь, о чем я еще подумала? Куда бы я ни прилетала – в Турцию, Испанию, Непал – я везде ощущаю себя дома. Словно весь мир – мой родной дом.

– Потому что ты открыта миру и доверяешь ему. Дочка, ты – человек мира.

– Папа, спасибо тебе! – воскликнула я.

– За что?

– Ты научил меня видеть красоту жизни, радоваться мелочам. И никогда не сдаваться.

– Ты с рождения была такая. Я сам у тебя этому учился. – Глаза папы увлажнились.

Нежные перистые облака напоминали распахнутые крылья ангела. На морских волнах плясали кудрявые барашки. Мягкий ветер, доносивший обрывки нежной мелодии и запах соленого моря, ласково касался моих волос, словно соглашаясь со словами отца.

Вспомнив наставления наставников-старцев из детских осознанных сновидений, я остановилась и прошептала:

– Каждый человек приходит сюда, чтобы научиться быть счастливым.

– Что? – спросил отец.

– Папа, сейчас я понимаю, что счастлива. По-настоящему. И жизнь только начинается...

Елена Деликатная

Художник своих мечт

Руководитель Издательства: Дана Агеева

Руководитель проектов: Саша Усолова

Креативный директор: Мадина Мурат

Менеджер проекта: Кира Серова

Редактор: Эльмира Ибрагимова

Дизайнер: Артур Садыков

Иллюстратор: Анастасия Курьина

Верстка: Динара Секенова